

Светлана Дроздова

Фальшивый жених. Осада и проникновение

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Фальшивый жених

Светлана Дроздова

**Фальшивый жених.
Осада и проникновение**

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Фальшивый жених. Осада и проникновение / С. В. Дроздова — «Автор», 2026 — (Фальшивый жених)

Это история о столкновении двух миров: мира бетона и денег и мира эмоций и выживания. Актриса Ева Лаврова, отчаявшаяся спасти больную мать, заключает фиктивный брак с Максимом Вороновым — холодным и расчетливым главой строительной империи. Ему нужна идеальная невеста для отвода глаз инвесторов, ей — деньги и крыша над головой. Их союз — сделка, прописанная в контракте. Но снежная буря, запершая их в родовом поместье, стирает все границы и маски. Вместо привычного цинизма и игры они находят друг в друге живое тепло, сталкиваются с настоящей уязвимостью и чувствами. Когда внешний мир снова врывается в их убежище, Ева понимает, что ее присутствие — слабость Максима, и уходит, чтобы спасти его бизнес. Но герой, осознавший, что любовь — единственный актив, ради которого стоит жить, решает найти ее, чтобы предложить уже не контракт, а настоящую жизнь. Этот роман — о том, как искренность способна растопить даже самые прочные стены.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Фальшивый жених.

Осада и проникновение

****Глава 21: День второй. Скучающие родственники решают устроить вечер талантов****

****Часть 1. Анатомия скуки (08:30)****

Утро началось не с будильника, а с оглушающей тишины, которая бывает только в загородных домах во время сильной метели. За панорамными окнами балльного зала второго этажа мир перестал существовать — там была лишь сплошная белая стена из летящего снега. Ветер был так низко и протяжно, что стекла едва заметно вибрировали в дубовых рамах.

Ева спустилась к завтраку последней. Она проспала почти десять часов подряд — впервые за полгода без кошмаров о выселении или просроченных счетах. Спальня в восточном крыле, куда её вчера деликатно, но настойчиво перевела Елена Петровна, пахла старым деревом и лавандой. Это был запах денег, которые копились здесь десятилетиями, оседая пылью на тяжелых бархатных шторах.

Столовая встретила её звоном хрусталя. Мария Петровна сидела во главе стола, прямая как аршин проглотившая. Перед ней стояла нетронутая овсяная каша на воде. Напротив неё Алиса Измайлова изящно резала авокадо серебряным ножом. Движения Алисы были настолько выверенными, что казались анимацией высокого качества — ни одного лишнего жеста, ни одной капли сока, упавшей на льняную салфетку персикового цвета.

— Доброе утро, — голос Евы прозвучал хрипло со сна. Она села на свободное место между Максимом и пустующим стулом деда.

Мария Петровна смерила её взглядом, задержавшись на спутанных волосах и отсутствии макияжа.

— Доброе, Ева. Надеюсь, гостевая спальня оказалась достаточно... историчной для ваших высоких театральных запросов?

Это был удар под дых, замаскированный под светскую любезность. «Историчная» комната стоила дороже московской квартиры Евы, но интонация матери Максима превращала комплимент в обвинение в неблагодарности.

Максим, читавший сводку новостей на планшете (связи всё ещё не было, но офлайн-базы данных обновлялись), даже не поднял глаз.

— Оставь её, мама. Если бы ты спала три часа в сутки последние пять лет, ты бы тоже выглядела как жертва кораблекрушения.

Алиса мелодично рассмеялась.

— О, Максим, какая образность. Впрочем, люди сцены всегда склонны к излишней драматизации быта. У нас в семье считают, что дисциплина начинается с утреннего ритуала. Авокадо сорта «Хасс», ложка лимонного сока строго по часовой стрелке...

Ева взяла нож. Её рука двигалась чуть быстрее, чем следовало. Кусок авокадо соскочил с тарелки и плюхнулся прямо на крахмальную скатерть, оставив ярко-зеленый мазок.

В столовой повисла звенящая пауза. Мария Петровна прикрыла глаза, словно у нее внезапно разболелась голова. Алиса продолжала улыбаться той самой фарфоровой улыбкой, от которой хотелось проверить пульс.

Ева посмотрела на пятно. Затем подняла взгляд на Алису.

— Простите. Я забыла спросить разрешение у авокадо на падение. Оно оказалось слишком демократичным для вашего общества.

Уголок губ Максима дернулся вверх. Всего на миллиметр, но это была первая настоящая эмоция за утро. Он отложил планшет.

— Достаточно. Мы заперты здесь минимум на сутки. Электричество работает на генераторе, вышки связи завалило вместе с забором. Департамент МЧС перекрыл выездное шоссе. Мы находимся в автономном плавании, дамы и господа. И если мы начнем убивать друг друга столовыми приборами до обеда, дедушка будет крайне разочарован.

Леонид Григорьевич появился именно в эту секунду, опираясь на тяжелую трость черного дерева. Выглядел он помятым, но довольным, как старый кот, которому удалось стащить лучший кусок.

— А вот и мои акционеры! — провозгласил он, тяжело опускаясь в кресло. — Что за похоронные лица? Снег — это дар Божий. Он очищает землю. И нервы.

Он сел, положив узловатые руки на стол. Взгляд его мутноватых, но всё еще цепких глаз прошелся по лицам присутствующих. Задержался на лице Евы дольше остальных.

— Ну-ка, девочка, дай руку.

Ева инстинктивно протянула ладонь. Дед взял её пальцы своими — сухими, прохладными, сильными. Повернул кисть, осмотрел кольцо с сапфиром.

— Не бриллиант, — констатировал он довольно. — Умно. Бриллианты носят вдовы и любовницы. Цветные камни носят те, кто собирается жить долго и интересно. Как тебе мой внук? Не загрыз еще?

Мария Петровна поперхнулась воздухом.

— Папа!

— Что «папа»? — Леонид отпустил руку Евы и потянулся за тостом. — Я хочу знать, кого он притащил в дом. Прошлая его пассия сбежала через два дня, потому что я храпел. Эта хотя бы осталась на завтрак. Значит, есть надежда.

Завтрак продолжился в странной, нервной атмосфере. Атака Марии Петровне провалилась об ледяное спокойствие Алисы и внезапную дерзость Евы. Но напряжение никуда не делось — оно просто ушло глубже, осев тяжелым осадком на дне дорогой посуды.

****Часть 2. Фабрика грез скучающих людей (10:15)****

После завтрака общество расплзлось по дому. Алиса удалилась в библиотеку «поработать с документами фонда». На деле — проверять остатки сигнала на спутниковом телефоне.

Мария Петровна ушла давать нагоняй садовнику, который уже третий день не мог добраться до теплиц. Максим закрылся в кабинете с бутылкой минеральной воды и ноутбуком, пытаясь взломать систему резервного копирования корпоративной почты через слабый сигнал внутренней сети дома.

Ева осталась одна в огромной гостиной. Она ходила вдоль книжных шкафов, касаясь корешков книг кончиками пальцев. Толстой, Достоевский, редкие издания Серебряного века. Здесь пахло вечностью, и этот запах давил на плечи сильнее любого долга.

Она услышала шарканье шагов и обернулась. В дверях стоял Леонид Григорьевич. Без трости, держа за косяк.

— Скучаешь? — спросил он, кивнув на рояль Steinway & Sons, занимавший половину комнаты. Черный лак инструмента тускло блестел в полумраке.

— Немного, — честно ответила Ева. — Театр закрыт на карантин. Метель играет главную роль.

Дед усмехнулся, подошел к инструменту и откинул крышку. Пробежал пальцами по клавишам, извлекая несколько глухих, расстроенных нот.

— Знаешь, почему твой жених стал таким? — спросил он вдруг, не глядя на Еву. — Железобетонным?

— Потому что бетон легче считать, чем эмоции? — предположила она.

— Бетон трескается, детка. — Леонид тяжело опустился на круглый вращающийся табурет. — Мой сын, отец Макса... Лёня... он строил-строил эту империю, чтобы доказать отцу, что он чего-то стоит. А потом пришел девяносто восьмой. Рынок рухнул. Кредиторы пришли сюда, стояли вон там, у камина. Они хотели забрать всё. Даже эти ложки. — Он кивнул на столовое серебро в буфете. — Лёня тогда посмотрел на меня, потом на жену, потом на пятилетнего Макса... И сказал мне: «Папа, я больше никогда не буду слабым». Понимаешь? Он заморозил себя заживо. Чтобы выжить. Чтобы никто не смог забрать у него то, что он любит, снова.

Ева подошла ближе. Воздух вокруг старого кресла казался густым от пыли и старых воспоминаний.

— Поэтому он покупает невест вместо того, чтобы влюбляться?

— Он покупает броню, — поправил дед. — Ему нужен щит. Человек, который скажет «нет» Штейну, когда сам Макс связан по рукам протоколом. Ты справляешься неплохо. Вчера за ужином ты сделала Марию Петровну лучше, чем любой психотерапевт. Она теперь пьет валерьянку тайком от меня.

Ева хотела отступить, вернуть дистанцию, но старик неожиданно схватил её за запястье. Хватка была железной.

— Только не вздумай влюбиться в него по-настоящему, слышишь? — голос Леонида стал острым, как стекло. — Для тебя это сделка. Спасение твоей матушки, деньги, новая жизнь. Для него это временная мера. Как только связь починят, приедет юрист, папки зашуршат, и ты исчезнешь. Поняла меня? Если ты сломаешься и начнешь смотреть на него щенячьими глазами, он уничтожит тебя первым. Просто чтобы не болело потом.

Ева смотрела в выцветшие глаза старика. Там плескался такой же холодный расчет, как и у внука, но приправленный старческой усталостью.

— А если он сломается раньше? — тихо спросила она.

Леонид отпустил её руку. Отвернулся к окну, за которым бесновалась белая мгла.

— Тогда империя рухнет. Воронов-старший этого не переживет. Так что играй свою роль хорошо, актриса. Но помни текст. Твой выход — финальный акт. Не пытайся стать прямой всего спектакля.

Когда дед ушел, прихрамывая и тяжело опираясь на перила лестницы, Ева осталась стоять посреди гостиной. Тепло от вчерашнего вечера, от их танца в подвале, от взгляда в машине — всё это мгновенно покрылось толстой коркой льда.

«Не влюбляйся».

Легко сказать. Особенно когда человек, которого тебе велели не любить, единственный, кто видит разницу между твоим настоящим лицом и сценическим гримом.

Из кабинета вышел Максим. Вид у него был озабоченный. Он подошел к бару, плеснул себе в стакан янтарной жидкости на два пальца.

— Генератор начал барахлить, — сообщил он вместо приветствия. — Запас топлива на исходе. Если метель не утихнет к завтрашнему дню, мы останемся без тепла.

— Отличный сюжет для Агаты Кристи, — Ева прислонилась спиной к роялю. — Закрытый дом, отрезанный снегом. Старая аристократия, молодая хищница и бывшая аниматорша в костюме пчелы. Кто убийца?

Максим сделал глоток. Коньяк обжег горло, но лицо осталось непроницаемым.

— Убийца тот, кто останется без активов после презентации проекта. Штейн готовит внеочередное собрание совета директоров. Он хочет объявить меня недееспособным руководителем из-за «нестабильного эмоционального фона». Моя мать пишет ему отчеты о каждом твоём вздохе.

— Я могу перестать дышать, — предложила Ева. — Экономнее выйдет.

Он наконец посмотрел на неё. Алкоголь снял часть стальной стружки с его взгляда.

— Не поможет. Она найдет трупный запах в моих намерениях. Нам нужно шоу, Ева. Громкое, нелепое, человеческое. Такое, которое заставит деда смеяться, а мать — закатить глаза от возмущения, но заткнуться. Они ждут, что мы будем играть в викторианских лордов. Давай сыграем в бродячий цирк.

****Часть 3. Кастинг отчаяния (11:45)****

Идея родилась случайно. Или закономерно. После третьего стакана кофе Мария Петровна, уставшая от попыток организовать чтение стихов вслух (Алиса монотонно декламировала Ахматову, доводя всех до зубовного скрежета), всплеснула руками:

— Господи, какой унылый день! Раньше, Ленечка, помнишь? Когда дети были маленькими, мы ставили домашние спектакли. «Ревизора» играли всем двором. Максимочка был Бобчинским. Такой был смешной, в картузе...

Леонид Григорьевич, клюющий носом в кресле, встрепенулся.

— Верно! Искусство облагораживает! А ну-ка, молодежь, покажите класс. Устроим вечер талантов. Развлечем старика.

Алиса тут же оживилась.

— Прекрасная идея. Традиции семьи должны поддерживаться. Дмитрий, — она повернулась к брату Максима, приехавшему утром из соседнего крыла, — ты ведь привез свою гитару?

Дмитрий, добродушный увалень-айтишник, покраснел.

— Мам, ну я же не умею петь...

— Чушь! Все Вороновы музыкальны. Максим, иди, принеси инструмент.

Максим встал. Его лицо превратилось в маску вежливого страдания.

— Я пас. Мой талант заключается в умении банкротить конкурентов. На сцене я бесполезен.

Взгляды всей семьи обратились на Еву. Мария Петровна сложила руки на груди, предвкушая позор «этой выскочки». Алиса смотрела с холодным научным интересом, как энтомолог на редкую букашку.

Ева медленно поставила чашку на блюдце. Звук фарфора прозвучал как гонг.

— Я участвую, — сказала она. — Но только в дуэте. Одному артисту на этой сцене будет одиноко.

Повисла пауза. Максим замер на полушаге к двери.

— Исключено, — процедил он.

— Почему? — Ева вскинула брови. — Семейные ценности требуют совместного творчества. Разве не так пишут в пресс-релизах корпорации? «Синергия партнеров рождает инновации». Вот и посмотрим нашу синергию.

Это была опасная игра. Вызывать Максима Воронова на публичную дуэль в собственном доме, где каждая половица знала его шаг. Но Ева видела, что дед смотрит на них с живым любопытством. Старый лис чуял кровь — не физическую, а адреналиновую.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Максим. Холодная ярость в его глазах обещала Еве медленную и мучительную смерть позже. — Через час. Малый зал. Репетиция запрещена.

Он развернулся и вышел. Каблуки его туфель простучали по коридору как приговор.

****Часть 4. Репетиция во флигеле (12:30 – 14:00)****

Малый зал оказался бывшей оранжереей, примыкающей к основному зданию. Стекланный купол сейчас был забит снегом, внутри царил сумрак, освещаемый только двумя старыми торшерами. Пахло сухой землей, пылью и остывшим металлом обогревателей.

Ева пришла первой. Она нашла сундук со старыми театральными костюмами, который, видимо, хранился здесь со времен детства Дмитрия. Среди пыльных шелков и выцветшего бархата она выбрала самое нелепое сочетание: широкие полосатые штаны Арлекина, белую рубашу Пьеро и огромный красный галстук-бабочку размером с десертную тарелку.

Когда дверь скрипнула, впуская струю холодного воздуха, Ева стояла перед зеркалом в золоченой раме и пыталась завязать бабочку. Получалось плохо.

Максим вошел и застыл. Сначала он смотрел на её наряд. Затем его взгляд скользнул ниже — на голые ноги Евы (штаны оказались ей коротки, открывая тонкие щиколотки в растянутых черных носках), на ключицы, выступающие из ворота рубахи.

— Ты сошла с ума, — ровным голосом произнес он.

— Добрый день, партнер, — Ева бросила попытки с бабочкой и повернулась к нему. — Я решила взять жанр абсурдистской пантомимы. Называется «Слияние активов в условиях ограниченной видимости».

Он молча прошел мимо неё к старинному граммофону в углу. Покрутил ручку. Игла с тихим скрипом опустилась на пластинку. Комнату заполнили рваные звуки французского шансона тридцатых годов — Эдит Пиаф, надрывная и прокуренная.

— Снимай это, — приказал Максим, указывая на её костюм. — Мы выглядим как пациенты психиатрической клиники на прогулке.

— Мы и есть пациенты, — парировала Ева, но начала расстегивать пуговицы на рубашке Пьеро. — Весь ваш совет директоров давно пора закрыть в палату с мягкими стенами.

Она сняла верхнюю часть костюма, оставшись в простой черной майке. Протянула рубашку Максиму.

— Держи. Тебе пойдет белый цвет. Контраст с твоей мертвой душой будет живописным.

Он взял ткань. Их пальцы соприкоснулись. Оба вздрогнули, как от удара током, и тут же отдернули руки.

— План такой, — Максим говорил быстро, чеканя слова, стараясь заполнить ими неловкость. — Выходишь слева. Спотыкаешься о вазу. Я ловлю. Начинается танец. Никаких сложных движений. Просто шагаем. Главное — держать спину. И улыбайся. Но не как политик на дебатах. Представь, что тебе дали дозу отличного антидепрессанта.

— Я ненавижу антидепрессанты, — Ева обошла его кругом. — Они делают мир плоским. Мне нравится моя злость. Она держит меня в тонусе.

— Сегодня твоя злость должна выглядеть как страсть, — он поймал её за локоть, разворачивая к себе. — Повторяю механику. Правая рука здесь. — Он положил её ладонь себе на плечо. — Левая — в моей. Три шага вперед, поворот. Поддержка за талию. Аккуратно. Ты не поднимаешь штангу, ты поднимаешь женщину.

Его ладони легли ей на талию. Жесткие, горячие даже сквозь ткань. Ева втянула воздух сквозь сжатые зубы.

— Осторожнее, Воронов. Если ты сломаешь мне ребро, некому будет утешать твоего деда байками про почту.

— Начали! — скомандовал он, игнорируя шпильку, и включил граммофон громче.

Первые минуты это было катастрофой. Максим вел жестко, как робот-пылесос, задавливая траекторией. Ева сопротивлялась каждому движению, её тело было натянутой струной, готовой лопнуть от напряжения. Они наступали друг другу на ноги. Бабочка-бабочка предательски съехала набок.

— Да расслабься ты! — прорычал Максим, останавливая музыку. — Ты двигаешься так, будто ждешь, что я вытащу пистолет!

— А ты двигаешься так, будто собираешься провести аудит моего позвоночника! — выпалила Ева, отталкивая его. Лицо её горело. — Я не марионетка!

Она отошла к стеклянной стене. Прижалась горячим лбом к холодному стеклу. Снаружи ветер швырял снег прямо в переплет рам.

— Я устала быть идеальной, Макс, — голос её вдруг потерял боевой задор и стал просто очень, очень усталым. — Я устала ходить по струнке. Сначала ради выживания, теперь ради твоего контракта. Дай мне минуту. Просто... дай мне побыть собой в этом дурацком костюме.

Она закрыла глаза. Плечи её опустились. Вся маска «опасной невесты», которую они репетировали весь месяц, рассыпалась в прах. Перед ним стояла просто девчонка, замерзшая в чужом доме, в чужой одежде, пытающаяся спасти свою мать чужими деньгами.

Максим смотрел на неё секунд тридцать. Затем подошел. Медленно, мягко. Он не стал трогать её руками. Просто встал рядом, плечом к плечу, глядя на метель.

— Ладно, — сказал он тихо. — Будь собой.

Он вернулся к центру зала. Достал из кармана броек свой платок, тщательно протер им ладони. Подошел к граммофону.

— Меняй пластинку.

Ева удивленно открыла глаза.

— Что?

— Меняй. Поставь Рахманинова. Второй концерт. Первую часть.

Это было безумие. Танцевать комическую пантомиму под трагический Рахманинов. Но Ева послушно подошла к аппарату. Нашла нужную пластинку. Опустила иглу.

Тяжелые, мрачные аккорды фортепиано заполнили оранжерею. Звук был густым, темным, как нефть. Он поглотил стеклянные стены, превратив летний домик в готический собор.

Максим стоял неподвижно. Потом он двинулся. Но это был другой Максим. Исчезла деревянная походка топ-менеджера. Движения стали текучими, широкими, почти звериными. Он не танцевал вальс. Он чертил телом какую-то сложную геометрическую фигуру в пространстве, полную сдержанной силы и скрытой боли.

Ева стояла, замороженная. Музыка проникала под кожу, обходя разум и попадая сразу в подсознание. Она шагнула к нему навстречу сама.

На этот раз он не учил её. Он просто взял её руку. И повел.

Никаких правил этикета. Никакой постановки. Только физика тел. Он наклонял её назад так низко, что волосы касались пола, и она доверчиво отдавала ему свой вес, зная, что эта сталь не даст ей разбиться. Он кружил её так стремительно, что сливались в одно пятно окна, люстра, тени.

Под черным куполом заброшенной оранжереи, под вой северной бури, двое людей, связанных самым циничным контрактом в мире, танцевали самую честную историю своей жизни.

Это не был спектакль для деда. Это не была ложь для акционеров. Это был диалог двух одиночеств, говорящих на языке гравитации и музыки.

Когда финальные аккорды стихли, оставив после себя звенящую пустоту, Максим резко остановил её. Прижал к своей груди, фиксируя, чтобы у неё не подкосились колени.

Они дышали в унисон. Сердце Максима билось под её ухом — ровно, но невероятно быстро. Адреналиновый ритм хищника после охоты.

Ева подняла голову. Их лица находились в дюймах друг от друга. Расстояние поцелуя. Расстояние катастрофы.

— Это... провал? — прошептала она. Голос сел. — Нас уволят за несоответствие бренд-буку?

Губы Максима дрогнули. Он медленно, очень медленно наклонился. Ева закрыла глаза, ожидая удара, падения, взрыва.

Но он прижался своим лбом к её лбу. Просто кожа к коже. Передача тепла. Признание уязвимости.

— Это наш единственный шанс, — выдохнул он ей в переносицу. — Теперь идем. Зрители ждут своего короля драмы.

****Часть 5. Вечерняя сцена (17:00)****

Большой зал утопал в золотом свете канделябров. Огонь в огромном камине пожирал целые бревна, отбрасывая причудливые тени на портреты предков Вороновых. Предки смотрели сурово, осуждая отсутствие чопорности у потомков.

Родственники заняли места. Мария Петровна сидела с видом судьи, зачитывающей смертный приговор. Алиса — с видом куратора музея современного искусства, вынужденного смотреть выступление уличных мимов. Леонид Григорьевич сидел в глубоком вольтеровском кресле, укутав ноги пледом, и сиял, как ребенок на рождественской елке.

Дмитрий настраивал гитару, фальшивя на каждом ладу.

Максим и Ева вышли из боковой двери.
И зал ахнул.

На Максиме был фрак, надетый поверх джинсов. Галстук отсутствовал, верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Волосы, обычно зализанные гелем, пребывали в творческом беспорядке. Он выглядел как разорившийся аристократ, решивший грабить банки ради искусства.

Ева вышла в том самом костюме Арлекина, но переделанном. Полосатые штаны заправлены в тяжелые армейские ботинки. Рубаха Пьеро обрезана по бокам, обнажая полоску загорелой кожи. Красный бабочка-крыло красовалась на шее Максима, которого она прицепила туда собственноручно перед выходом.

Они дошли до центра ковра. Остановились. Посмотрели друг на друга.

И начали.

Музыка зазвучала — та самая, рахманиновская.

Максим подал Еве руку официальным бальным жестом. Она приняла её, сделав глубокий реверанс, достойный Венской оперы.

Затем он резко дернул её на себя.

Началась вакханалия.

Это не был танец. Это был драка, секс и истерика, положенные на музыку.

Максим швырнул её через бедро — профессионально, используя навыки дзюдо, полученные в закрытой школе. Ева приземлилась на паркет, перекатилась и тут же вскочила на ноги, делая вид, что так и задумано.

Она подбежала к камину, схватила кочергу и наставила её на Максима, как шпагу. Тот принял боевую стойку, используя тяжелый дубовый стул как щит.

Мария Петровна хватала ртом воздух. Алиса непроизвольно подалась вперед, забыв о своем снисхождении — такого уровня чистого, незамутненного безумия она не ожидала увидеть в этих стенах.

Ева запрыгнула на спинку дивана. Пробежала по ней, балансируя руками. Максим догнал её, схватил за ногу и стащил вниз. Они покатались по ковру, сцепившись, рыча друг на друга.

В какой-то момент музыка достигла крещендо. Максим прижал Еву к полу, зафиксировав оба её запястья над головой одним движением. Их взгляды встретились.

В метре от них, в десяти сантиметрах от головы Евы, лежала головешка, выпавшая из камина. Искры сыпались на персидский ковер XVIII века стоимостью с небольшую яхту.

Время замедлилось.

Весь балаган, вся комедия масок, вся защита — всё сгорело в огне камина.

Ева смотрела в серые глаза Максима и видела там не партнера по контракту. Она видела мужчину, который готов сжечь дотла родовое гнездо, лишь бы удержать её на этом ковре.

Максим смотрел на девушку, которая перевернула его империю вверх дном за сорок восемь часов. На актрису, чей страх пах дешевым вином, а смелость — порохом. На единственного человека в мире, который видел его настоящего и не убежал screaming в ужасе.

Их дыхание смешивалось. Губы были так близко, что можно было почувствовать вкус соли и коньяка.

Кульминация музыки.

Разряд.

Максим отпустил её запястья. Резко поднялся, отворачиваясь. Сделал два шага прочь, пошатываясь, словно получил физический удар. Ему потребовалось всё самообладание, чтобы не сгрести её в охапку прямо здесь, на глазах у изумленной семьи, и не унести прочь из этого мавзолея.

Ева осталась лежать на полу. Медленно села, приводя в порядок растерзанный костюм. На щеке у неё была сажа. Коленка кровоточила — порезалась о брошенный Дмитрием медиатор. Она улыбнулась этой крови. Боль напоминала, что она всё ещё жива.

Она встала. Поправила съехавшую бабочку на шее Максима, пока тот стоял к ней спиной, глядя в огонь.

Затем она сделала нечто совершенно непредвиденное контрактом.

Она подошла к Леониду Григорьевичу, который аплодировал стоя, трясая седой головой, и поцеловала его в морщинистую щеку.

— Спасибо за музыку, дедушка, — громко сказала она, чтобы слышали все. — Давно я так не напивалась вашим домом.

Она вернулась к Максиму. Взяла его под руку. Он вздрогнул от её прикосновения, но не сбросил руку. Его пальцы судорожно впелись в её.

Аплодисменты раздались сначала робко — хлопал Дмитрий. Затем присоединился звук, похожий на выстрел — это Леонид ударил ладонями друг о друга. Вскоре уже весь зал содрогался от рукоплесканий.

Только две фигуры остались неподвижны.

Мария Петровна. Её лицо стало белым, как мраморный бюст Екатерины Великой позади неё. Руки, лежащие на коленях, мелко дрожали.

И Алиса. Она не хлопала. Она смотрела на губы Максима, затем на сажу на лице Евы, и в её идеально структурированном мозгу щелкал механизм пересчета рисков. Цена слияния активов только что взлетела до небес.

****Часть 6. Анатомия победы и поражения (18:30)****

Вечеринка перетекла в фазу легкого хаоса. Леонид потребовал шампанского. Дмитрий брэнчал на гитаре что-то веселое. Дом, казалось, оттаял вместе с его обитателями.

Максим и Ева оказались оттеснены к эркеру, подальше от эпицентра веселья. Им сунули в руки бокалы с просекко. Максим пил его как лекарство — быстрыми, нервными глотками.

— Ты могла убить нас обоих, — сказал он, не поворачивая головы. Взгляд был устремлен на танцующие языки пламени.

— Могла. Но не стала. — Ева провела пальцем по краю своего бокала. — Кстати, твои рефлексy впечатляют. Где учился делать подсечку? В Гарварде или на улице?

— Жизнь научила, — коротко ответил он. — Зачем ты это сделала? Целовала деда... Кровь... Этот маскарад...

— Я дала им театр, которого они хотели, — она пожала плечами. — Но я оставила финал открытым. Теперь они не знают, сумасшедшие мы или гениальные. Страх неизвестности пугает мою будущую свекровь гораздо больше, чем знание того, что я шлюха или золотоискательница.

Максим наконец посмотрел на неё. Свет огня золотил его ресницы, смягчая острые углы скул.

— Ты невыносима.

— Это пункт первый брачного договора, я помню.

Он усмехнулся. Горько, искренне.

— Ты играла сегодня не для них. Ты играла для деда. Зачем?

— Он напомнил мне отца, — призналась Ева тише. — До того как всё пошло прахом. Люди становятся чудовищами не от хорошей жизни, Макс. Твоя мать... она не злая. Она просто отчаянно боится остаться одна в этом музее.

— А ты? — его голос стал совсем тихим. — Чего боишься ты, Лаврова? Кроме коллекторов.

Вопрос висел между ними. Бокалы в их руках казались хрупкими гранатами.

Ева допила вино до дна. Поставила пустой хрусталь на подоконник. Стекло тихо звякнуло.

— Я боюсь, — сказала она, глядя ему прямо в глаза, — что однажды утром я проснусь, и мне станет всё равно. Перестанет болеть за маму. Перестанет тошнить от запаха дешевого парфюма. Перестанет хотеться врезать кому-нибудь по лицу за несправедливость. Я боюсь, что ваша империя сделает меня такой же красивой, мертвой и удобной, как Алиса.

Она сделала шаг к нему. Сокращая дистанцию до интимной. Нарушая все правила безопасности.

— Поэтому я надела ботинки, Макс. Чтобы помнить, как больно ходить по земле. Чтобы не забыть, кто я.

Она поднялась на цыпочки. Её ладони легли на лацканы его испорченного фрака.

Она не поцеловала его. Она просто прижалась лбом к его подбородку, закрыв глаза. Втянула запах его кожи — дорогого табака, озона после грозы и того самого, дикого, первобытного запаха мужчины, который спас ей жизнь падением на грязный асфальт переулка.

— Ты самый опасный актив в моем портфеле, — прошептал он ей в макушку. Его руки сомкнулись на её спине, притягивая ближе, ломая последнюю линию обороны.

— Тогда диверсифицируй риски, — шепнула она в ответ, не отстраняясь. — Инвестируй полностью.

****Часть 7. Ночной звонок (23:45)****

Дом затих далеко за полночь. Снег продолжал идти, погребая поместье под сугробами высотой в человеческий рост. Генератор урчал на последнем издыхании, мигая лампочками на панели управления в подвале.

Ева лежала в своей постели. Сон не шел. Адреналин сегодняшнего вечера всё ещё кипел в крови. Она чувствовала каждую мышцу, каждое движение, каждый взгляд, брошенный на неё в зале.

Рядом, в ногах кровати, свернулся клубком Барс. Кот чувствовал хозяйку и успокаивающе тархтел, как работающий трактор.

Телефон, спрятанный под матрасом — старая кнопочная Nokia, номер которой знали только трое во всем мире, — завибрировал беззвучно.

Ева осторожно, чтобы не разбудить кота, достала его. Экран осветил темноту спальни ядовито-зеленым светом.

Сообщение. Одно слово. Отправитель скрыт, но система идентификации номера вывела знакомое имя контакта, удаленного из записной книжки неделю назад.

АЛИСА.

Текст сообщения состоял всего из трех слов. Ни угроз, ни оскорблений. Сухая констатация факта, способная уничтожить всё, что они с Максимом построили за сегодняшний день.

[ФОТО]

На фотографии, сделанной, судя по качеству, длиннофокусным объективом через окно библиотеки, был запечатлен момент их танца. Рахманинов. Пол. Взгляд.

Тот самый кадр, где Максим прижимает её к полу, а их лица разделяют считанные сантиметры. Кадр, в котором нет ничего профессионального. Только животная, разрушительная химия. Кадр, который невозможно купить, сыграть или объяснить советом директоров.

Ниже текста шли координаты GPS. Место встречи. Кафе на Патриарших. Завтра. 14:00. Ровно через полчаса после того, как расчистят дорогу.

Ева села в кровати. Одеяло сползло на пол. Сердце пропустило удар, а затем забилось с частотой пулемета.

Холод пробежал по позвоночнику.

Игра закончилась.

Маски сорваны.

Алиса перешла от шахмат к уличной драке, и у неё в руках было оружие массового поражения — правда.

Ева посмотрела на спящего кота. Посмотрела на телефон. Посмотрела в темноту за окном, где в снежной буре тонул мир.

Она нажала кнопку блокировки экрана. Темнота вновь затопила комнату.

Лежа в темноте, слушая мурлыканье Барса и гул ветра, Ева Лаврова поняла одну простую вещь.

Контракт с Максимом предусматривал штраф за разглашение суммы сделки.

Но в нем не было пункта, регламентирующего войну с женщиной, которая готова сжечь этот мир дотла ради подписи в реестре акционеров.

Война объявлена. Связи нет. Помощи ждать неоткуда.

До рассвета оставалось шесть часов.

Глава 22. Подготовка к спектаклю

Часть 1. Анатомия реквизита (08:30)

Снег не прекращался вторые сутки. К утру второго дня он перестал быть живописной декорацией для рождественской открытки и превратился в глухую, плотную стену, отрезавшую

родовое гнездо Вороновых от остального мира. За панорамными окнами столовой воцарилась абсолютная белизна — ни земли, ни неба, лишь бесконечное кружение тяжелых хлопьев.

Ева сидела за длинным дубовым столом, механически размешивая сахар в чашке с остывшим кофе. Напротив Максим Воронов медленно пил эспрессо. Его движения были выверены до миллиметра, но Ева видела то, чего не замечали остальные: костяшки его пальцев, сжимающих тонкую фарфоровую ручку, побелели от напряжения. Вчера ночью, после того как она подслушала разговор о слиянии компаний и неизбежном браке с Алисой, между ними легла невидимая трещина. Они оба знали правду, но продолжали играть в утреннюю рутину.

Мария Петровна вошла в столовую стремительно, шелестя шелковым халатом цвета слоновой кости. Она выглядела так, словно это не её империя оказалась под угрозой рейдерского захвата, а кто-то посмел пересолить овсянку.

— Связи по-прежнему нет? — бросила она, даже не глядя на Еву.

— Генераторы работают, интернет упал вместе со столбом у ворот, — ровно ответил Максим, ставя пустую чашку на блюде с таким звуком, будто поставил точку в приговоре.

— Это невыносимо, — Мария Петровна нервно крошила круассан на мелкие кусочки. — Мы заперты здесь с... прислугой, пока решается судьба активов семьи.

В этот момент тяжелые двери снова распахнулись. Леонид Григорьевич, опираясь на трость из черного дерева, вошел в комнату. От него пахло дорогим табаком и старым деревом. Он обвел столовую тяжелым взглядом патриарха, чей трон зашатался, но который все еще умел повелевать гравитацией.

— Скучно, — громыхнул дед, тяжело опускаясь в кресло во главе стола. — Вы похожи на стаю ворон на проводе перед бурей. Клюете друг друга глазами. В мое время семья умела развлекать себя сама. Устраивали вечера. Домашние постановки.

Мария Петровна встрепенулась, уловив спасительную идею.

— Леня, какая прекрасная мысль! Сегодня вечером. Организуем концерт. Покажем наши таланты. Нужно же поддерживать боевой дух, раз уж стихия нас изолировала.

Максим перевел взгляд с матери на деда. В его серых глазах мелькнуло нечто похожее на ужас. Домашний спектакль означал публичное выступление. Выступление означало необходимость взаимодействовать. А взаимодействовать сейчас он мог только с Евой, которая смотрела на свою тарелку, пряча улыбку.

Леонид Григорьевич ударил тростью по полу.

— Решено. В семь часов в большом зале. Никаких отговорок. Каждый готовит номер. Я хочу видеть жизнь в этом склепе!

Завтрак закончился быстрее обычного. Родственники расходились, обсуждая программу. Алиса уже заявила права на монолог Татьяны, дядя Коля репетировал арию Кавардосси фальшивым баритоном где-то в глубине дома.

Когда они остались вдвоем, Максим поднялся.

— Ты идешь вниз, в театральный склад, — сказал он Еве, не поворачиваясь. — Найди нам костюмы. Что-нибудь нейтральное. Классическое. Чтобы мать успокоилась.

— Нейтральное убьет твоего деда, — ответила Ева ей в спину. — Он хочет жизни, Макс. А твоя мать хочет чуело в кружевах.

Он замер в дверях.

— Делай что хочешь, Лаврова. Но если ты выставишь меня идиотом перед семьей...

— Ты сам справляешься с этим последние десять лет без моей помощи, — парировала она, вставая из-за стола. — Я просто добавлю немного перца в твой пресный бетон.

Театральный склад находился в западном крыле, рядом с заброшенной оранжереей. Огромная комната с высокими потолками пропахла нафталином, пылью веков и сладковатым запахом гниющих цветов. Солнечный свет сюда почти не проникал даже летом, а сейчас помещение освещалось тусклой лампочкой Ильича под потолком, раскачивающейся от сквозняка.

Ева провела здесь два часа. Она рылась в огромных деревянных сундуках, поднимая клубы пыли, от которой першило в горле. Здесь была история семьи: гусарские ментики позапрошлого века, платья тургеневских барышень, пожелтевшие балетные пачки.

Но Ева искала другое. Ей нужна была сатира. Оружие, которое невозможно отразить вежливостью.

Она нашла его в самом дальнем углу, в ящике с надписью «Детский театр, 1984». Потрепанный, когда-то белый, а теперь грязно-серый костюм Пьеро. Огромные рукава-буфы, болтающиеся штанины, помятое жабо. Рядом валялась шляпа-треуголка с облезлыми золотыми кистями.

Ева подняла камзол, встряхнула его. Пыль взметнулась серебристым облаком. Она прижала ткань к лицу. Пахло старой краской и детскими слезами. Идеально.

Дверь скрипнула. На пороге стоял Максим. Он пришел проверить, почему она задержалась. И замер, увидев ворох нелепого тряпья в ее руках.

— Только не говори, что это наш план спасения династии, — процедил он.

— Это шедевр сценографии, — Ева развернула костюм, демонстрируя пятна неизвестного происхождения на рукавах. — Смотри, какой объем. Какая фактура страдания.

— Я не надену это, — отрезал Максим. — Я финансовый директор корпорации. Если я появлюсь в этом, завтра акции рухнут от одного фото в Telegram-каналах сплетников.

— Акции рухнут, если ты выйдешь к ним в своем обычном виде, — Ева подошла ближе. Теперь их разделял только ком пыльной ткани. — Твоя броня слишком заметна, Воронов. Когда человек одет в танк, всем вокруг хочется выстрелить. А когда он одет в шутовской колпак... над ним либо смеются, либо жалеют. Третьего не дано. Нам нужно третье. Нам нужно стать неуязвимыми через абсурд.

Максим смотрел на нее долго. Затем его взгляд скользнул ниже, на вырез её собственной блузки, на кольцо с сапфиром, которое сегодня утром казалось тяжелее наручников.

— Объясни мне концепцию, — сдался он. Голос звучал глухо, как из бочки.

— Пантомима, — оживилась Ева. — Самая короткая дистанция между двумя лжецами. Никакого текста, чтобы никто не придрался к акценту или оговоркам. История двух людей, которых заставили подписать контракт против воли. Один пытается сохранить лицо короля, другой крадет у него чернила, промокашки и саму надежду.

Максим молчал, переваривая информацию. Логика в её безумии присутствовала. Дед любил эксцентрику. Мать ненавидела всё, что нельзя измерить линейкой. Сатира проходила точно между этими жерновами.

— Хорошо, — наконец выдохнул он. — Где моя роль?

— Ты — Арлекин, — ухмыльнулась Ева, доставая из другого сундука пестрый трико в ромбах. — Жесткий, угловатый, пытающийся контролировать хаос. А я буду твоей Коломиной. Той, что танцует на краю твоей могилы.

****Часть 2. Хореография касаний (12:30)****

Они перебрались в старую библиотеку. Массивные стеллажи темного дерева давили на психику, запах кожаных переплетов смешивался с озоном от работающего генератора. Окна здесь выходили на задний двор, где сугробы доходили до середины стекла.

Репетиция началась катастрофически.

Максим пытался стоять прямо, расправив плечи, держа воображаемую папку с документами как щит. Каждое движение было пропитано корпоративной этикой. Он был мраморной статуей, которую забыли в библиотеке.

— Нет, — простонала Ева, роняя голову на руки. Она сидела на ступеньках стремянки, ведущей к верхним полкам. — Господи, дай мне сил. Ты выглядишь как охранник в банке, которому отказали в повышении. Где мой тиран? Где тот мерзавец, который купил мою квартиру и кота одним росчерком пера?

— Я не актер, — огрызнулся Максим, не меняя позы. — Я логист человеческих ресурсов.

— Сейчас ты ресурс моего терпения, — Ева спрыгнула со ступенек. Её тяжелые ботинки гулко ударили по паркету. — Иди сюда.

Она подошла вплотную. Для Максима, привыкшего держать дистанцию вытянутой руки, вторжение в интимную зону было физическим ударом. Воздух стал густым.

— Расслабь челюсть, — приказала она, кладя ладонь ему на шею. Её пальцы оказались неожиданно сильными и горячими. — Вот здесь, у основания. Ты сжимаешь зубы так, что эмаль треснет. Богатые люди никогда не скалятся прилюдно, Воронов. Они ломают челюсти другим. А мы должны выглядеть сломанными, но счастливыми.

Его мышцы сопротивлялись. Шея была твердой, как корабельная мачта. Ева нажала сильнее, используя вес своего тела, массируя напряженный узел трапеции. Максим дернулся, хватая её за запястье.

— Не трогай меня.

— Тише, — прошептала она, не убирая руку. — Боишься щекотки? Или боишься, что тебе понравится, как простая девчонка из коммуналки ставит тебя в нужную позу?

Это сработало. Злость вспыхнула в его глазах, заменив профессиональную маску чем-то более живым и опасным. Мышцы шеи дрогнули и начали поддаваться.

— Дальше, — скомандовала Ева, отступая на шаг, чтобы оценить результат. — Сценарий такой. Ты стоишь. Тебе велят жениться. Ты достаешь ручку. Золотую. Дорогущую. Начинаешь подписывать. И тут подхожу я.

Она начала двигаться. Сначала неловко, затем всё увереннее. Её тело, заточенное годами выживания, знало цену каждому жесту. Она обошла его по кругу, хищно, как лиса, учуявшая слабость в заборе курятника.

— Ты пишешь, — комментировала она свои действия вслух, хотя сценария не было. — Важный документ. Судьба империи. Жизнь тысяч рабочих. А я... я просто хочу пить.

Ева сделала вид, что ищет воду. Она открыла воображаемый шкафчик, заглянула внутрь, разочарованно цокнула языком. Затем её взгляд упал на стол. На массивное пресс-папье из малахита.

Она взяла его двумя руками, напряглась, делая вид, что предмет невероятно тяжелый, и потащила прочь со стола.

Максим моргнул. Впервые за весь день в его взгляде появилось искреннее недоумение вместо контроля.

— Что ты делаешь?

— Стащила твой рабочий стол, — фыркнула Ева, продолжая имитировать титанические усилия. — Куда я его дену? Понятия не имею. Может, продам скупщикам. Мне нужны деньги на маникюр.

Она толкнула воображаемый стол, и тот с грохотом (только в её пластике) перевернулся. Документы рассыпались. Максим должен был отреагировать. По сценарию ярости — схватить её за горло. По логике ситуации — вызвать охрану.

Он сделал шаг вперед. Его рука метнулась к ней, но не для удара. Пальцы сомкнулись на её предплечье чуть выше локтя — жесткий, властный захват, отработанный годами управления подчиненными.

— Поставь на место, — прорычал он низким голосом, от которого у Евы вдоль позвоночника пробежали мурашки.

И это была ошибка. Инстинкт взял верх над разумом. Он использовал свой фирменный прием допроса — фиксацию цели. Но Ева не была целью. Она была партнершей.

Вместо того чтобы испугаться, она рассмеялась. Громко, заливисто, запрокинув голову. Смех заполнил пыльную библиотеку, разогнав тени предков со стен.

— Ой, напугал, — выдохнула она сквозь смех, глядя в его почерневшие глаза. — У тебя лицо такое, будто я украла ядерные коды. Расслабься. Это картонный стол. Картонный!

Она попыталась вырвать руку, но он держал крепко. Их борьба длилась секунду — физическую, горячую. Затем Ева резко сменила тактику. Она перестала вырываться. Вместо этого она положила вторую руку поверх его кисти, всё ещё сжимающей её предплечье.

— Видишь? — сказала она тихо, внезапно становясь серьезной. Лицо изменилось, исчезла маска шута, осталась только уставшая женщина. — Ты всегда хватаешь. Контролируешь. Держишь мертвой хваткой. А надо просто дать упасть.

Она мягко, но настойчиво отвела его руку от себя. Сделала шаг назад. И вдруг пошатнулась, картинно взмахнув руками, заваливаясь набок.

Максим среагировал мгновенно. Профессиональный рефлекс защитника актива. Он поймал её, притянув к себе. Одна рука жестко зафиксировала её талию, вторая легла на изгиб поясницы, предотвращая падение.

Время остановилось.

Они стояли посреди библиотеки, тесно прижавшись друг к другу. Нос Евы уткнулся ему в ключицу. Она чувствовала запах его рубашки — дорогой хлопок, холодный крахмал и едва уловимый аромат его кожи. Сердце Максима билось быстро и неровно — впервые за пять лет безупречная машина дала сбой тахикардии.

— Упала, — констатировала она ему в грудь. Голос прозвучал приглушенно и низко.

— Опять, — отозвался он хрипло. Его ладони лежали на её спине неподвижно, но Ева чувствовала дрожь, проходящую по его телу — адреналиновый отклик хищника, осознавшего, насколько близко подобралась добыть.

Она подняла голову. Их лица оказались в нескольких сантиметрах. Маски стерлись начисто. Перед ней был не генеральный подрядчик её судьбы. Перед ней был мужчина, чьи зрачки расширились, затопив холодную сталь глаз черной бездной.

— Репетируем поцелуй? — спросила она шепотом. В вопросе не было кокетства. Только сухой профессионализм актрисы, уточняющей задачу режиссера.

Максим сглотнул. Адамово яблоко дернулось. Он медленно, мучительно медленно качнул головой.

— Нет. Репетируем пантомиму.

Но рук не убрал. И Ева тоже не спешила отстраняться. Тепло чужого тела в ледяном доме стало единственным наркотиком, доступным им обоим.

— Ладно, — она первая разорвала контакт, сделав резкий шаг назад, возвращая пространство. Щеки её горели. — Третий акт. Финал. Ты проиграл всё. Стол украден, документы съедены мышами, жена ушла к акробату. Что делает король помойки?

Максим тряхнул головой, пытаясь сбросить наваждение. Провел рукой по волосам, окончательно разрушая идеальную укладку.

— Король помойки... — повторил он, глядя куда-то сквозь неё. — Король помойки снимает корону. Потому что металл стоит дороже, чем вся эта грязь. И протягивает её той, кто умеет танцевать на битом стекле.

Он подошел к столу, открыл ящик и достал оттуда настоящую антикварную серебряную чайную ложку. Протянул её Еве рукоятку вперед.

— Лови.

Ева поймала. Холодный металл обжег пальцы.

— Это будет моя волшебная палочка? — усмехнулась она.

— Это будет символ власти, — серьезно ответил Максим. — Которую ты крадешь каждый раз, когда я думаю, что контролирую ситуацию. В конце номера я должен попытаться забрать её обратно. А ты должна её спрятать. Так, чтобы я обыскал всю сцену и не нашел. Оставив меня с пустыми руками перед лицом деда.

Он смотрел на неё испытующе. Это был тест. Проверка границ. Насколько далеко она готова зайти в этой импровизации.

Ева посмотрела на ложку. Затем расстегнула верхнюю пуговицу своей блузки и ловким движением заправила серебро глубоко в ложбинку между грудей, прижав ткань.

— Проверяй, — дерзко вскинула она подбородок.

Максим сделал шаг. Сокращая дистанцию до опасной. Его руки поднялись, но замерли в воздухе, не решаясь коснуться. Взгляд впился в ту точку на её груди, где скрылась ложка.

— Выход за пределы контракта, Лаврова, — предупредил он севшим голосом.

— Граница уже стерлась вчера ночью, когда ты слушал мои рассказы про почту, — парировала она, хотя голос тоже предательски дрогнул. — Брось, Воронов. Мы играем королей. Короли могут лапать королев. Это феодальное право.

Она сама шагнула вперед, сокращая оставшиеся сантиметры, и прижалась к нему грудью, провоцируя. Ложка холодила кожу. Максим шумно втянул воздух носом. Его руки опустились ей на бедра — собственнически, сильно, лишая возможности отступить.

— Если ты врешь так же убедительно, как двигаешься, — прохрипел он, наклоняясь к её уху, — мы выиграем этот вечер. Но проиграем войну с собственным телом.

****Часть 3. Учить реплики тишины (15:00)****

К трем часам дня снегопад достиг апогея. Стеклопанная крыша оранжереи, примыкавшей к библиотеке, дрожала под тяжестью сугробов. Свет стал синим, сумеречным, несмотря на разгар дня. Включенные лампы давали болезненно-желтый оттенок, превращая лица в маски театра кабуки.

Они переместились в малую гостиную. Усталость свинцовой плитой давила на плечи. После сцены с ложкой напряжение между ними висело плотной, звенящей струной. Любoй звук казался оглушительным.

Ева сидела в глубоком вольтеровском кресле, подтянув колени к груди. На коленях лежал блокнот, куда она зарисовывала схемы перемещений по сцене. Максим стоял у окна, спиной к комнате, глядя на белую мглу. Между лопатками у него залегла жесткая складка.

— Проблема не в том, *что* мы делаем, — нарушила молчание Ева. Её голос звучал устало, но четко. — Проблема в том, *как* мы смотрим друг на друга.

— Мы партнеры по контракту, — бросил Максим, не оборачиваясь. — Взгляд диктуется пунктом четырнадцать точка восемь договора. Эмоциональный фон привязанности.

— Пункт четырнадцать точка восемь — это инструкция для секс-куклы, — Ева швырнула карандаш на журнальный столик. Карандаш прокатился по столешнице и упал на ковер. — Там написано: «демонстрировать признаки глубокой эмоциональной связи». Глубина в миллиметрах? Угол наклона век? Процент влажности взгляда?

Максим обернулся. Медленно, всем корпусом. Движение крупного хищника.

— Скажи мне формулу, — попросил он. Тон был опасно ровным. — Дай алгоритм. Моя система зависает, когда ты подходишь ближе сорока сантиметров.

— Алгоритма нет, — Ева потеряла переносицу. — Есть биомеханика. Люди влюбляются не мозгом. Они влюбляются микромышцами лица. Когда человек смотрит на того, кого боится потерять, у него рефлекторно расслабляется нижняя часть круговой мышцы глаза. Появляются эти дурацкие морщинки. И челюсть становится мягкой. Страх уходит из нижней трети лица.

Она встала. Подошла к нему. Максим остался стоять, возвышаясь над ней, как готический собор.

— Смотри на меня, — скомандовала она. — Представь, что совет директоров проголосовал за моё увольнение. Прямо сейчас. Без выходного пособия.

Максим посмотрел. Его взгляд мгновенно стал острым, сканирующим, оценивающим ущерб. Челюсти привычно сжались, превратившись в гранитную плиту.

— Вот, — кивнула Ева, указывая пальцем на его рот. — Замок закрыт. Инвесторы боятся закрытых замков. Им нужен открытый сейф, из которого легко брать деньги. Открой замок.

Она протянула руку. Максим позволил ей коснуться своего лица — редчайшее событие. Её большой палец лег на линию его челюсти, там, где бугрился желвак. Она нажала, совершая легкий массажный круг.

— Выдохни, — прошептала она. — Через рот. Почувствуй, как отпускает корень языка. Если язык лежит камнем, шея никогда не станет красивой.

Под её пальцами камень начал крошиться. Желвак дрогнул. Линия рта потеряла агрессивный излом.

— Хорошо, — одобрила она, убирая руку, но оставляя расстояние в дюйм между их телами. — А теперь представь обратное. Представь, что я ухожу. Навсегда. Забираю Барса, твои лучшие запонки и уезжаю в закат на маршрутке.

Лицо Максима изменилось. Агрессия испарилась, уступив место чему-то темному, тяжелому и абсолютно бесконтрольному. Нижняя челюсть действительно обмякла, потеряв волевой упор. Глаза потяжелели. Это не была игра. Это была реакция собственника, у которого из-под носа угоняют любимый автомобиль.

Ева задрала голову, чтобы смотреть ему в глаза. Несмотря на разницу в росте, сейчас доминировала она.

— Вот оно, — выдохнула она. — Вот та самая химия. Ты не хочешь меня трахнуть, Воронов. Ты хочешь меня присвоить. Разобрать на органы и сложить в банковскую ячейку. Это пугает людей больше, чем похоть. Похоть можно купить. Собственничество — навсегда.

Она сделала шаг назад, разрывая электрическое поле.

— Теперь черед зрителя, — сказала она, меняя тон на деловой. — Дед сидит в центре, первый ряд. Справа от него — мертвая зона Марии Петровны. Слева — окно. Свет падает так, что левую половину твоего лица должно быть видно идеально, правую — слегка в тени. Это создает драматизм.

— Я знаю геометрию света, — огрызнулся Максим, растирая шею. — Я построил Сити.

— Ты строил объемы. А я работаю с плоскостями эмоций, — Ева вернулась в свое кресло, подобрав ноги. — Правило первое: никогда не смотри на меня сверху вниз дольше трех секунд. Это читается как угроза. Правило второе: когда я беру инициативу — смейся. Не зубами, уголками губ. Показывай, что тебе нравится мой мятеж. Диктаторы любят непокорных наложниц, это льстит их эго.

Максим отошел от окна и сел в кресло напротив. Закинул ногу на ногу. Привычная броня постепенно возвращалась на место, но трещины никуда не делись.

— Что дальше? — спросил он. — Сюжетная арка.

— Арка проста, — Ева откинулась на спинку, закрыв глаза. — Экспозиция: мы презираем друг друга. Завязка: нас заставляют быть вместе. Развитие: мы начинаем получать от этого извращенное удовольствие. Кульминация: мы понимаем, что без этих игр дышать не можем.

Развязка: занавес. И мы расходимся в разные гримерки, ненавидя реальность чуть больше, чем минуту назад.

Она открыла глаза. Посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

— Знаешь, почему это сработает? — тихо спросила она.

— Просвети, — Максим вертел в пальцах ту самую антикварную ложку, перекидывая её с костяшки на костяшку.

— Потому что мы не будем играть любовь, — ответила Ева. — Любовь требует отдачи. А мы сыграем крайнюю степень взаимозависимости токсичных партнеров. Это гораздо честнее. И зрителю это знакомо на клеточном уровне. Все в этом доме состоит в таких отношениях. Твоя мать с памятью твоего отца. Твой дед с властью. Алиса с деньгами своего папы. А мы... мы будем идеальной карикатурой на них всех.

За окном раздался треск — огромная ветка сосны не выдержала веса снега и обломилась, рухнув на дорожки сада. Звук был сухим и окончательным.

Максим поднял взгляд от ложки на Еву. В наступивших синих сумерках её лицо казалось высеченным из алебаstra. Темные волосы спутались, губы припухли от постоянных прикусываний во время репетиций.

— Твоя уязвимость пугает меня больше, чем совет директоров, — произнес он фразу, которую репетировал мысленно последние полчаса.

Ева не удивилась. Она лишь грустно усмехнулась, отводя взгляд к окну.

— А твоя пустота перестала быть безопасной, — эхом отозвалась она. — Раньше я думала, что могу выйти из этой комнаты в любой момент. Теперь я понимаю, что кислорода снаружи больше нет. Только здесь. В этой ядовитой симбиотической связи.

Она встала, давая понять, что перерыв окончен. Прошла мимо него к двери. Задержалась на пороге, не оборачиваясь.

— До ужина три часа, — бросила через плечо. — Рекомендую выпить. Только не коньяк. Коньяк делает тебя сентиментальным, а нам сегодня нужен чистый яд.

Дверь закрылась. Максим остался один в синем полумраке. Он разжал кулак. Серебряная ложка со звоном упала на толстый персидский ковер. Он смотрел на неё несколько долгих минут, прежде чем поднять и убрать в карман брюк. Талисман на удачу. Или орудие самоубийства.

****Часть 4. Вечерняя сцена (17:00)****

Большой зал утопал в золотистом свете сотен свечей. Электричество сэкономили, и живой огонь делал старинные портреты на стенах живыми и наблюдающими. Пахло розмарином от жарящегося в духовке мяса, хвоей от огромной ели в углу и дорогим парфюмом собравшихся.

Родственники занимали места согласно негласной иерархии. Мария Петровна восседала в кресле королевы-матери, прямая как шпиль Петропавловской крепости. Рядом с ней, соблюдая почтительную дистанцию, устроилась Алиса. На ней было платье глубокого изумрудного цвета, оттеняющее бледность кожи. Она выглядела как античная статуя, случайно забытая в музее холодного оружия.

Леонид Григорьевич сидел в массивном инвалидном кресле (ноги последнее время совсем отказывали), но спина его была прямой, а глаза блестели азартом мальчишки, ждущего цирковое представление. Он единственный в этой комнате искренне радовался вечеру.

Дядя Коля терзал бокал с бренди, предвкушая свой вокальный бенефис.

Когда тяжелые двери в конце зала распахнулись, разговоры стихли.
Первыми вышли Максим и Ева.

Максим двигался первым. Черный смокинг сидел на нем безупречно, подчеркивая ширину плеч. Осанка идеальная. Лицо — непроницаемая маска вице-президента, входящего на совет по ликвидации конкурентов. Он остановился у подножия лестницы, ведущей на небольшое возвышение, где стояло старое фортепиано, и скрестил руки на груди. Позиция ожидания судьбы.

Следом шла Ева.

На ней не было бриллиантов Шанель или кутюрных платьев, которые пыталась навязать ей Елена Петровна. Поверх простого черного платья-футляра был небрежно накинут тот самый фрак Пьеро. Рукава болтались, скрывая кисти рук. Белый грим на лице — выбеленное лицо, нарисованные темные брови домиком и одна крупная слеза, стекающая из левого глаза — выглядел одновременно трагическим и издевательским.

По залу прошелестел вздох. Мария Петровна прикрыла рот рукой. Алиса наклонила голову, и в зеркальной глади её бокала отразилось пламя свечей, преломляясь в хищную усмешку.

Ева дошла до центра ковра. Остановилась. Сделала глубокий, театральный реверанс, настолько низкий, что полы фрака разметались по полу, как крылья подбитой птицы. Затем она выпрямилась, подбоченилась и громко, на весь зал, произнесла:

— Ну и сарай. Простите, архитектурный ансамбль. Сразу видно — строили на века, чтобы прятаться от революции. Очень практично.

Мария Петровна ахнула. Алиса позволила себе короткий смешок, который тут же подавила кашлем.

Леонид Григорьевич захохотал. Громко, раскатисто, ударяя ладонью по подлокотнику кресла.

— Ай да ведьма! — просипел он сквозь смех. — Марусь, слышишь? Девка-то с характером! Не то что твои фарфоровые куклы!

Максим закрыл глаза на долю секунды. Молчаливая молитва всем богам девелопмента. Затем он шагнул к фортепиано. Сел на круглый вращающийся стул. Спина деревянная. Пальцы легли на клавиши.

Начался номер.

Максим играл простую, заунывную мелодию — вариацию на тему похоронного марша. Одной рукой. Вторая рука лежала на колене. Он изображал бюрократа, заполняющего анкету на выезд из страны.

Ева начала обходить его по кругу. Её пластика изменилась полностью. Исчезла сутулость уличной девчонки, исчезла академическая грация студентки ГИТИСа. Осталось текучее, змеиное движение хищника. Она подплывала к нему сзади, заглядывала через плечо на невидимые бумаги, которые он якобы писал.

Затем она бесцеремонно забрала у него из-под носа воображаемое перо.

Максим продолжал играть, но ритм сбился. Он нахмурился. Посмотрел на пустое место на столе. Обернулся.

Ева стояла в трех шагах, крутя несуществующее перо в пальцах, и демонстративно грызла его кончик. При этом она смотрела на него с такой неприкрытой, животной нежностью, что у любого стороннего наблюдателя должны были возникнуть вопросы к генетике рода Вороновых.

Максим встал. Мелодия оборвалась диссонансным аккордом. Он двинулся на неё. Широким шагом хозяина положения. Он попытался взять её за локоть — вернуть собственность.

Ева увернулась. Легко, танцуя. Она нырнула под его руку и оказалась за его спиной. Положила руки ему на плечи и силой заставила сесть обратно на стул. Сама же оседлала его колени, лицом к залу, спиной к нему.

Зал замер. Это было нарушение всех мыслимых правил этикета. Сидеть на коленях мужчины на семейном вечере? Да еще в таком наряде?

Алиса подалась вперед. Мария Петровна стала похожа на Медузу Горгону перед убийством.

Ева начала разыгрывать пантомиму обладания. Она делала вид, что роется в карманах смокинга Максима. Вытаскивала воображаемые предметы и демонстрировала их залу:

Вот кредитная карта (бросила через плечо).

Вот зажигалка (подбросила и поймала).

Вот ключи от машины.

Максим сидел под ней совершенно неподвижно. Только кадык ходил ходуном. Его руки лежали на подлокотниках кресла так, что дерево жалобно скрипело под давлением пальцев. Он играл оскорбленного аристократа, чья честь растоптана, но который слишком шокирован наглостью простолюдинки, чтобы применить силу.

Финал номера приближался. По задумке Евы, Максим должен был совершить последнюю попытку восстановить контроль. Он должен был снять с неё эту чертову слезу.

Он медленно поднял руку. Его пальцы — длинные, сильные, привыкшие подписывать миллиардные контракты — коснулись её скулы.

Ева не отстранилась. Она наклонилась к нему, позволяя руке коснуться нарисованной слезы. И в тот момент, когда его большой палец коснулся краски на её коже, она повернула голову и поцеловала его палец. Быстро, влажно, открыто. Поцелуй шлюхи и королевы одновременно.

Вздых ужаса и восторга пронесся по залу.

Леонид Григорьевич уже не смеялся. Он смотрел на них, открыв рот. Старик увидел то, чего не видел десятилетиями — настоящий театр. Настоящую химию. Живую угрозу традициям.

Максим отдернул руку так, словно его ударило током. Лицо его исказилось. Это больше не была маска. Это было лицо человека, которого публично кастрировали, но который получил от процесса странное физиологическое удовольствие.

Ева соскользнула с его колен. Поправила съехавший фрак. Присела в коротком, издевательском книксене и направилась к выходу из зоны света.

Максим остался сидеть. Ему потребовалось собрать всю волю в кулак, чтобы встать, поклониться залу и последовать за ней в спасительную темноту коридора.

****Часть 5. Обратная дорога. Сбой в программе (18:00)****

Тишина музыкальной гостиной оглушала после шума зала. Ева привалилась спиной к холодной стене коридора, пытаясь отдышаться. Адреналиновый шторм проходил, оставляя после себя мелкую дрожь в коленях и звон в ушах.

Максим вышел следом. Дверь за ним закрылась, отсекая звуки семейного торжества. Он подошел к ней. Встал вплотную, загнав её в угол между стеной и высоким книжным шкафом.

От него пахло свечным воском, злостью и ею самой.

— Ты больная, — выдохнул он ей в лицо. Голос был низким, вибрирующим от сдерживаемой ярости и чего-то еще, чему он пока не мог дать названия. — Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сделала? Моя мать сейчас вызывает священника для экзорцизма. Алиса составляет список пунктов брачного договора, включающий запрет на общение с сумасшедшими.

— Зато дед счастлив, — спокойно ответила Ева, хотя сердце пыталось проломить ребра. Она подняла на него взгляд. — И главное — мы были настоящими. Даже когда крали перья и садились на колени.

Она хотела добавить что-то язвительное, разрядить обстановку, но слова застряли в гортани. Расстояние между их лицами сократилось до критического минимума. Тепло его дыхания опалило её губы.

Максим смотрел на её рот. На нижнюю губу, которую она нервно прикусила. Его самоконтроль, выстраиваемый годами, дал системный сбой. Программа "Генеральный директор" вылетела с ошибкой "Fatal Error: Human Emotion Detected".

Он медленно, очень медленно наклонился. Это не было нападение хищника. Это было действие человека, проверяющего прочность льда перед собой.

Их губы соприкоснулись.

Сначала это был вопрос. Тихий, осторожный. Давление минимальное. Запрос доступа к системе.

Ева не отстранилась. Она разрешила.

Тогда поцелуй изменился.

Его рука взлетела и жестко, властно легла на её затылок, фиксируя, не давая уйти. Другая рука легла на талию, притягивая её к себе, впечатывая в твердые мышцы его груди сквозь слои одежды.

Это не был поцелуй любовников из мелодрамы. В нем не было нежности первых свиданий. В нем была пятилетняя жажда контроля, столкнувшаяся с пятью годами отчаянного сопротивления. Зубы клацнули о зубы — больно, остро, правильно. Он пил её дыхание, маркировал территорию, ставил клеймо.

Ева отвечала ему с той же первобытной жадностью. Её пальцы вплелись в его волосы на затылке, срывая идеальную укладку, причиняя боль, на которую он отвечал глухим рычанием ей в рот.

Граница стиралась физически. Контракт, СнежВек, замороженные счета, Алиса Измайлова — всё это превратилось в серый шум на фоне частоты вибрации их тел. Были только губы, вкус дешевой помады, запах озона и крахмала, и ощущение падения в бездну без страховки.

Мир вернулся звуком тяжелого металла.

В кармане домашнего халата Евы — того самого, что выдал ей стилист резиденции — завибрировал телефон. Старый кнопочный аппарат, купленный тайно неделю назад. Тот, номер которого знала только служба безопасности.

Максим почувствовал вибрацию раньше неё. Он прервал поцелуй, но не отстранился. Его лоб уткнулся в её лоб. Оба тяжело дышали, пытаясь прийти в себя.

— Кто это? — хрипло спросил он, не открывая глаз.

— Работа, — соврала Ева, потому что правда сейчас разрушила бы остатки её самообладания. Её руки всё ещё лежали на его шее, боясь отпустить единственную опору.

Телефон требовательно жужжал. Реальность вламывалась в их келью неумолимым ледоколом.

Ева с трудом оторвала одну руку от его плеча. Сунула её в карман. Нажала кнопку приема, даже не глядя на экран.

Голос Марка, начальника службы безопасности, в

Голос Марка, начальника службы безопасности, ворвался в ухо Евы искаженным помехами механическим скрежетом. Связь была чудовищной — вышки не справлялись с нагрузкой стихии.

— Объект... (треск)... протокол «Черная метка» активирован... Счета заморожены по иску «СтройВек»... Брачный договор аннулирован адвокатами Измайловых... Срок на выезд из резиденции — двенадцать часов до штурма охраной объекта...

Слова падали в тишину коридора как гильзы на кафельный пол морга.

Ева смотрела прямо перед собой, но видела не дубовые панели стен и не разъяренное лицо Максима в дюйме от своего. Она видела цифры. Красные столбцы убытков. Текст уведомления о субсидиарной ответственности. Лицо матери, подключенной к аппарату ИВЛ.

Максим почувствовал, как тело в его руках мгновенно потеряло мягкость. Мышцы Евы окаменели, превращаясь в стальной трос. Пальцы, только что нежно перебиравшие волосы на его затылке, впелись в его трапецию так, что побелели костяшки. Взгляд её изменился за долю секунды: маслянистая темнота зрачков сменилась ледяной пустотой аналитика рисков.

Она медленно опустила руку с телефоном. Нажала отбой. Металл кнопки издал сухой щелчок, прозвучавший в библиотеке громче выстрела.

— Что это было? — голос Максима потерял всякую теплоту. Он отступил на шаг, разрывая физический контакт. Профессиональная паранойя включилась быстрее, чем остыло дыхание. — Кто звонил?

Ева сунула телефон обратно в карман. Движение было резким, почти рваным. Она провела ладонью по лицу, стирая остатки белого грима Пьеро вместе с человеческой уязвимостью. Под слоем краски проступало нечто новое — жесткость хирургического скальпеля.

— Служба протокола напоминает о регламенте, — ровно ответила она, глядя сквозь него. Теперь между ними снова стояла стеклянная стена банковского хранилища. — Говорят, у нас есть двенадцать часов, пока твоя бывшая невеста не спустит на меня своих юристов.

Максим проигнорировал шпильку про Алису. Его мозг уже переключился в режим кризисного управления.

— Марк знает этот номер? — он кивнул на оттопыренный карман её халата. — Как они пробили частоту?

— Это спутниковый мост через аварийный терминал гаража, — механически отозвалась Ева. Она сделала еще один шаг назад, восстанавливая дистанцию личного пространства. — Резервный канал связи твоего покойного отца. Я нашла схему проводки в подвале, когда искала реквизит. Ты слишком доверяешь своим системам, Воронов. Старый кабель всегда надежнее оптоволокна, если хочешь спрятать труп или любовницу.

Упоминание любовницы повисло в воздухе тяжелым ядом. Максим сделал вид, что не заметил подкола, хотя желваки на его челюсти заходили ходуном.

— Суть сообщения, — потребовал он, подходя ближе, но теперь его движение носило характер захвата периметра, а не сближения. — Конкретно. Без театральных пауз.

Ева оперлась рукой о книжный шкаф позади неё, словно ища опоры. Пол качнулся под ногами — то ли от усталости, то ли от осознания масштаба катастрофы.

— Твоя игра в благородство закончилась, — сказала она тихо, и эта тихость пугала больше, чем крик. — «СтройВек» ударил по тебе через мою компанию. Субсидиарная ответственность, Макс. Десять миллиардов долга «ТрансЛогистик». Так как мы официально женаты меньше месяца, их юристы доказывают фиктивность сделки для вывода активов. Мой контракт с тобой признан недействительным. Наш брачный договор — туалетная бумага. А твои счета... — она сглотнула, — твои счета сейчас блокируются службой комплаенса банков-корреспондентов. Включая те, что на Кайманах.

Тишина стала плотной, физически ощутимой. За окном выл ветер, швыряя пригоршни снега в стекло, словно пытаясь пробиться внутрь и заморозить их заживо.

Максим стоял неподвижно. Идеальная маска треснула окончательно, обнажив первобытную ярость вожака, чью территорию поместили чужие волки. Но гнев был направлен не на Еву. Он смотрел на нее долго, сканируя заново — не как женщину, не как актрису, а как переменную в уравнении, которая внезапно изменила знак с плюса на минус.

— Почему ты мне помогаешь? — спросил он вдруг. Вопрос вырвался сам собой, хриплый и опасный. — Зачем ты мне всё это говоришь? Ты могла бы забрать Барса, свои книги и исчезнуть в снегу. У тебя фора в двенадцать часов. К утру ты была бы в Шереметьево.

Ева горько усмехнулась. Уголки губ дрогнули, обнажая ту самую усталость, которую она прятала весь вечер.

— Потому что твой дед там, — она мотнула головой в сторону гостиной. — Сидит в кресле и ждет семейного счастья. Если Мария Петровна узнает о блокаде счетов до того, как мы выйдем к столу, у старика будет инфаркт. Прямо на ковре. На глазах у Алисы. Представляешь заголовки завтра утром? «Основатель империи умер от жадности сына».

Она оттолкнулась от шкафа. Выпрямилась во весь рост. В тусклом свете канделябров она выглядела не как загнанная жертва, а как соучастница преступления высшей степени тяжести.

— Контракт сгорел, Воронов, — произнесла она, делая шаг к нему. Теперь они стояли вплотную, но воздух между ними вибрировал от высоковольтного напряжения опасности, а не страсти. — Мы оба банкроты. Юридически. Финансово. Нас разденут до нитки, продадут эту мебель с аукциона, а кота пустят на воротник твоей бывшей. Единственный актив, который у нас остался — это легенда. Та самая дурацкая пантомима, которую мы только что сыграли. Они ждут, что мы сломаемся по отдельности. Давай дадим им шоу.

Максим слушал её, чуть наклонив голову. Ритм его собственного сердца замедлялся, входя в рабочий такт машины для выживания. Страх никуда не делся, он просто лег на дно желудка холодной ртутью. Но поверх него натягивалась привычная броня контроля.

— Протокол «Черная метка», — повторил он, пробуя слова на вкус. — Это означает, что Елена Петровна уже получила пакет документов. Значит, служба протокола перешла на осадное положение.

— Елена ничего не знает, — отрезала Ева. — Если твоя железная леди запаникует, она начнет эвакуацию золота в швейцарские ячейки вместо того, чтобы спасти ликвидность. Нам нужен час. Один час, чтобы придумать новую ложь.

Она подошла к небольшому секретеру у окна, порылась в ящичке и вернулась с тяжелой настольной зажигалкой в форме львиной головы. Щелкнуло колесико. Огонек вспыхнул, осветив снизу её решительное, бледное лицо.

— Садись, — приказала она, указывая на массивное кресло напротив камина. — Сюда. Где свет падает на правую половину лица. И сними бабочку. Расслабь узел. Ты выглядишь как висельник, которому жмет галстук.

Максим молча подчинился. Опустился в кожаное кресло. Положил руки на подлокотники. Закрыв глаза, концентрируясь.

Ева встала над ним. Огонь зажигалки плясал в её руке, бросая тревожные тени на потолок.

— Правило первое, — начала она голосом режиссера-постановщика, вернувшегося на съемочную площадку после пожара. — Никаких упоминаний цифр. Ни долгов, ни процентов, ни сумм. Деньги пахнут страхом, а страх вызывает рефлекс нападения у акул вроде Кречетова.

— Принято, — глухо отозвался Максим, не открывая глаз.

— Правило второе, — она наклонилась, упираясь ладонями в мягкие подлокотники кресла, зажимая его в пространстве. Их лица снова оказались опасно близко. — Ты смотришь на свою жену. Только на меня. Когда мать заговорит об акциях — ты берешь меня за руку под столом. Крепко. Суставы должны хрустнуть. Пусть видят, что единственный актив, который тебе важен, сидит справа от тебя.

— Понял задачу, — веки Максима дрогнули, и он открыл глаза. Серый свинец взгляда плавился, превращаясь в жидкую сталь. — А ты? Какую роль играешь ты? Жертву обстоятельств?

— Нет, — Ева выпрямилась, затушив зажигалку движением большого пальца. Лязг металла прозвучал как взводимый курок. — Я играю кошку, которая сожрала канарейку. Ту

самую птичку по имени «СтройВек». У меня инсайдерская информация, Воронов. Пока ты строил здесь баррикады из свечек, я обыскала серверную. Я знаю, где именно Иванцов из «СтройВека» хранит офшорные копии. Я знаю пароль от его личной почты. Пароль — имя его любимой таксы плюс год дефолта девяносто восьмого.

Максим замер. Вся кровь отхлынула от его лица, оставив лишь пепельную серость.

— Ты взломала мой архив, — констатировал он без вопросительной интонации. В голосе не было злости. Было чистое, дистиллированное уважение хищника к другому хищнику.

— Я защищала свой лоток, — парировала Ева, цитируя его же фразу про кота. — Не отвлекайся. У нас спектакль через сорок минут. Гости будут пить кофе и ждать объяснений, почему электричество мигает, а связь пропала. Наша задача — продать им сказку о том, что изоляция — это романтическое приключение молодоженов, а не крах династии.

Она обошла кресло и положила руки ему на плечи сверху. Давление было властным, хозяйским.

— Запах, — скомандовала она. — От тебя несет озоном и тревогой. Мне нужно отчаяние собственника, который готов спалить завод, чтобы он не достался рейдерам. Сделай глубокий вдох. Медленный выдох. Вспомни запах горящего пластика. Почувствуй кислоту во рту.

Максим подчинился. Его грудная клетка поднялась и опустилась. Плечи расслабились, уходя вниз, снимая многолетний спазм вечной готовности к бою. Он позволил ей перекалибровать себя. Позволил этой девчонке из коммуналки стать оператором самого сложного механизма, которым он владел — собственной нервной системы.

— Хорошо, — прошептала Ева, наклоняясь к самому его уху. Её губы едва касались мочки. — А теперь скажи мне, что любишь меня. Скажи это так, будто от этого зависит жизнь моего кота. Потому что, Воронов, от этого зависят жизни обоих наших котов. И моя почка. И твоя империя.

Максим открыл глаза. Посмотрел на её отражение в черной глади экрана выключенного телевизора напротив.

Он протянул руку назад, не глядя, нашел её колено и сжал пальцы с такой силой, что ткань халата жалобно затрещала.

— Выходи за меня замуж, — сказал он ровным, спокойным голосом человека, подписывающего смертный приговор целой отрасли. — По-настоящему. Без контрактов. Без сроков. До последнего вздоха.

Ева замерла за его спиной. Зажигалка в её руке стала ледяной. Граница, которую они стерли поцелуем полчаса назад, рухнула окончательно, погребенная под обломками финансового апокалипсиса.

Сделка купли-продажи социального статуса превратилась в пакт о взаимном уничтожении врагов.

Она наклонилась ниже, её волосы шелковой завесой упали ему на плечо.

— Ты понимаешь, что мы идем на эшафот? — спросила она шепотом.

— Я архитектор, — ответил Максим Воронов, Верховный Дьявол корпорации, глядя невидящим взглядом в темноту за окном. — Я построю нам лестницу даже в ад. Держись за меня. Идолы рушатся первыми, Лаврова. А мы сегодня будем самыми живыми статуями в этом музее мертвецов.

Где-то внизу, в холле, старинные напольные часы начали гулко отсчитывать первый из двенадцати отведенных им ударов.

Глава 23: Анатомия тишины

Часть 1. Деконструкция (08:45)

Утро не принесло облегчения. Оно пришло серым, вязким и тяжелым, как мокрое шерстяное одеяло, которым пытаются накрыться люди с высокой температурой. За панорамными окнами столовой мир перестал существовать в привычном понимании — там была лишь глухая, бесконечная стена из летящего снега. Ветер был на низких басовых нотах, заставляя стекла в дубовых рамах едва заметно вибрировать, издавая звук, похожий на стон умирающего зверя.

Ева сидела за длинным обеденным столом одна. Максим ушел проверять генератор еще час назад, Леонид Григорьевич заперся в кабинете со старым коньяком и бухгалтерскими книгами восьмидесятых годов, а Мария Петровна... Мария Петровна спустилась ровно в восемь сорок пять. Она выглядела так, словно провела ночь не в гостевой спальне стоимостью в три квартиры Евы, а в окопе под артобстрелом. Её лицо было натянуто на череп слишком туго, глаза горели сухим, лихорадочным огнем фанатика.

Она молча подошла к буфету красного дерева, достала тяжелый серебряный поднос и водрузила его на стол перед Евой. Звук фарфора прозвучал в звенящей тишине дома как выстрел.

— Твои антидепрессанты, — голос свекрови был лишен всяких эмоций. — И овсянка. На воде. Сахар убивает сосуды, а тебе нужно чистое сознание для дачи показаний.

Ева посмотрела на белесую жижу в тарелке, потом на блистеры с таблетками, которые обычно прятала под половицей в своей театральной гримерке, а теперь держала в кармане халата.

— Я уже приняла утреннюю дозу паники, спасибо, — она поддела ложкой кусок клейкой массы. — Очень аутентично. Напоминает вкус поражения.

Мария Петровна проигнорировала шпильку. Она села напротив, расправив складки шелкового пеньюара цвета слоновой кости. Этот цвет всегда означал войну.

— Связи нет? — спросила она, хотя ответ знала заранее.

— Генератор дышит через раз. Интернет упал вместе со столбом у ворот. Ваш сын пытается хакнуть вселенную отверткой, — Ева отправила ложку овсянки в рот. Текстура действительно напоминала жидкий картон.

Дверь распахнулась без стука. Максим вошел, отряхивая снег с плеч черного кашемирового свитера. Он снял свою обычную броню — галстуки и жесткие воротнички рубашек. Теперь он выглядел просто как очень уставший мужчина, которому снились плохие сны о биржевых котировках.

— Топливо на нуле, — бросил он вместо приветствия, проходя к бару. — Если до вечера не расчистят дорогу, мы останемся без тепла. Старый дизель в подвале замерзнет.

— Значит, будем мерзнуть, — спокойно отозвалась Мария Петровна. — Зато налоги платить не надо. Смерть — лучший способ оптимизации расходов.

Максим плеснул себе воды. Его руки слегка дрожали — то ли от холода, то ли от того напряжения, которое копилось в нем со вчерашнего вечера, когда их танец чуть не закончился пожаром или сексом прямо на персидском ковре.

— Хватит, мама. — Он ударил стаканом по столешнице. Вода выплеснулась на серебро. — Мы не в суде. Пока что.

В этот момент тяжелые двери библиотеки, примыкающей к столовой, открылись. Леонид Григорьевич выкатился в своем кресле-каталке. Старик выглядел помятым, но абсолютно счастливым. От него пахло табаком Mac Baren и старыми деньгами.

— А вот и мои банкроты! — провозгласил он бодро. — Что такие кислые? Снег пошел — банки закрылись. Идеальное утро!

Он подъехал к столу и ловко крутанул колесико кресла, разворачиваясь. Взгляд его мутноватых глаз прошелся по лицам присутствующих, задержавшись на Еве дольше положенного.

— Ну что, невестушка, страшно быть бедной?

— Мне не привыкать, — усмехнулась Ева. — Бедность — это единственное состояние, в котором я чувствовала себя живой. Богатство вашего сына напоминает мне красивый гроб. Места много, позолота блестит, но дышать внутри невозможно.

Леонид захохотал. Громко, раскатисто, запрокинув голову. Мария Петровна побелела так, что её пеньюар показался грязным на фоне её кожи.

— Папа! — прошипела она. — Не поощряй её. Это всё театр. Она манипулирует тобой, чтобы...

— Чтобы что, Маруся? — оборвал её дед, вытирая выступившие от смеха слезы. — Чтобы спасти твоего мальчика от Штейна? Так пусть спасает. У неё хватка бультерьера. Ты бы видела, как она вчера танцевала. Железная леди Воронов наконец-то нашла пару под стать себе. Только зубы острее.

Максим закрыл глаза. Было видно, как он мысленно считает до десяти. Потом до двадцати. Когда он открыл их снова, сталь вернулась во взгляд.

— Объявляю протокол «Осада», — сказал он тихо, но так, что все замерли. — До тех пор, пока связь не восстановится, внешние коммуникации запрещены. Никакой почты, никаких спутников, кроме аварийного канала службы безопасности. Дом переходит на автономное питание. Экономим топливо. Экономим нервы.

— Я хочу позвонить своему нотариусу, — начала Мария Петровна.

— Нет, — отрезал Максим. — Нотариус сейчас начнет пересылать документы Алисе. Нам нужен час форы. День форы. Сколько сможем выгадать. Мама, иди распорядись насчет свечей. Электричество может лечь окончательно в любую минуту.

Когда мать вышла, громко хлопнув дверью, Леонид похлопал ладонью по подлокотнику своего кресла.

— Садись, девочка. Сюда. Где тепло.

Ева встала и пересела на стул рядом с дедом. Странно, но именно здесь, рядом со старым хищником, ей было спокойнее всего. Он не пытался её оценить. Он просто наблюдал за игрой природы.

— Боишься? — спросил он, протягивая ей тяжелую серебряную зажигалку.

— Темноты боюсь, — честно ответила Ева, принимая огонь. — А банкротства — нет. Банкротство можно пережить. А вот коллекторов в темном коридоре коммуналки — сложнее.

Старик кивнул, будто услышал именно то, что ожидал.
— Хорошее начало дня, — пробормотал он. — Честное.

Часть 2. Каминный синдром (14:20)

День тянулся невыносимо долго. Время в занесенном снегом доме текло иначе — оно густело, превращаясь в янтарь, который медленно, болезненно застывал. Они перебрались в большую гостиную. Кто-то из прислуги притащил корзины дров, и огромный камин из резного камня наконец ожил, загудев, как взлетающий самолет.

Огонь пожирал поленья с жадностью голодного зверя. Пламя бросало причудливые, пляшущие тени на портреты предков Вороновых. Предки смотрели сурово, осуждая отсутствие чопорности у потомков. Особенно недоволен казался какой-то пра-прадед в пудренном парике — его нарисованные глаза следили за каждым движением Евы.

Алиса Измайлова заняла лучшее кресло у окна. На ней было платье из плотного твида, волосы собраны в идеальный узел. Она работала. Спутниковый телефон Марии Петровны (который та пыталась спрятать) лежал на коленях Алисы, подключенный к пауэрбанку. Девушка методично рассылала сообщения, сверяясь с какими-то графиками на планшете. Она была единственным человеком в комнате, кому метель играла на руку — чем хуже связь, тем меньше шансов, что Максим успеет перевести активы до блокировки.

Дмитрий, брат Максима, сидел на полу возле гитары. Он брэнчал что-то унылое, пытаясь изобразить душевные терзания, но получалось похоже на расстроенную балалайку.

Ева стояла у окна, прижавшись лбом к ледяному стеклу. Снаружи была абсолютная белизна. Ни земли, ни неба. Только хаос. Она куталась в огромную шаль из альпаки, которую кто-то набросил ей на плечи. Тепло от камина доходило только до колен, дальше начиналась зона вечной мерзлоты.

Она почувствовала присутствие раньше, чем услышала шаги. Максим подошел сзади. Он больше не носил маску вице-президента. Джинсы, черная водолазка, растрепанные волосы. Человек, которого сорвали с совещания длиной в десять лет.

— Температура падает, — сказал он ей в макушку. — Внутри дома тоже. Люди начинают смотреть друг на друга как на источник калорий.

— Надеюсь, ты вкусный, — не оборачиваясь, ответила Ева. — У меня хороший нож для мяса. Семейное серебро ведь еще не заложено?

Он обошел её и встал рядом, глядя на бую. Между ними оставалось сантиметров двадцать пространства. Но эти сантиметры были заряжены электричеством сильнее, чем провода ЛЭП снаружи.

— Елена получила пакет документов, — произнес он ровным голосом. — Марк перехватил копию иска. «СтройВек» бьет по моим офшорам через субсидиарную ответственность твоей компании. Десять миллиардов, Ева. Рублей, долларов — неважно. Сумма, которая убивает одним своим весом.

— Красиво уходят, — она наконец повернула голову. — Через постель. Использовать жену как таран — это классика жанра «Корпоративный шпионаж».

— Ты моя жена только на бумаге, — он посмотрел на неё сверху вниз. В серых глазах не было холода. Там была пустота. Выжженная земля. — Зачем ты осталась после танца? Почему не ушла в темноту коридора, когда поняла, что игра окончена?

Вопрос повис между ними. Он требовал честности, которой они избегали весь месяц. Ева подняла руку и коснулась его щеки. Кончики пальцев обожгло колючей щетиной.

— Потому что твой дед смотрел на тебя так, — тихо сказала она. — Будто ты стеклянный. Будто если он моргнет, ты рассыпешься на осколки. Я осталась, чтобы держать зеркало. Кто-то же должен показывать тебе, что ты всё ещё отражаешься.

Его дыхание сбилось. Всего на долю секунды, но она уловила это. Заметила, как дернулся кадык.

— Опасно играть с зеркалами, Лаврова. Они имеют свойство разбиваться и резать руки тому, кто держит.

— У меня пальцы длинные, — она улыбнулась уголком рта. — Достанут до сердца даже через обломки.

Из глубины дома раздался сухой треск, похожий на выстрел. Дмитрий вздрогнул и схватился за гриф гитары, как за автомат.

— Это ветка сосны, — успокоил его Максим. — Вес снега критический. Деревья ломаются один за другим. Мы полностью отрезаны.

— Как романтично, — фыркнула Алиса, не отрывая взгляда от экрана. — Медовый месяц в склепе. Рекомендую написать об этом статью в Forbes, Макс. «Как изоляция повышает капитализацию брака». Кстати, свечи закончились в западном крыле. Остались только хозяйственные, церковные и те, что воняют лавандой. Вашей покойной бабушке бы понравилось.

Максим проигнорировал выпад бывшей невесты. Он продолжал смотреть на Еву. Внимательно, изучающе, словно видел её впервые без сценического грима.

— Ты боишься темноты? — внезапно спросил он.

Вопрос выбил почву из-под ног. Ева сглотнула комок, вставший в горле. Жар от камина вдруг стал удушающим.

— С чего ты взял?

— Ты никогда не садишься спиной к незашторенному окну. И вчера ночью, когда погас ночник в оранжерее, ты стояла неподвижно три минуты, прежде чем позволила мне включить фонарик. Профессиональная актриса боится выключенного света?

Ева отошла от окна. Сделала шаг в сторону, увеличивая дистанцию. Инстинкт самосохранения кричал: «Беги». Но бежать было некуда. Весь дом был одной большой световой ловушкой.

— Детские травмы, — бросила она небрежно, пытаясь вернуть себе маску цинизма. — Жила в криминальном районе. Свет отключали за неуплату чаще, чем давали воду. В темноте приходят те, кто хочет забрать последнее. Коллекторы, отчим, здравый смысл...

Она направилась к выходу из гостиной, желая разорвать этот опасный разговор. Ей нужно было остаться одной. Нужно было проверить заряд старого кнопочного телефона, спрятанного под матрасом. Телефон, номер которого знал только кредитор её матери.

Но Максим оказался быстрее. Он преградил ей путь. Просто встал в дверном проеме, заполнив его собой. Широкие плечи, напряженная спина. Выхода не было.

— Куда идешь? — спросил он.

— Проверять, не завалило ли сортир. Раз уж мы тут навсегда, хотелось бы умереть цивилизованно, — попыталась пошутить она, обходя его слева.

Он поймал её за локоть. Остановил. Его пальцы сомкнулись на руке не больно, но крепко. Фиксация.

— Ева.

Голос изменился. Исчез стальной лязг топ-менеджера. Остался низкий, грудной тембр мужчины, который давно забыл, как звучит его собственный настоящий голос.

— Посмотри на меня.

Она подняла голову. Их лица оказались в опасной близости. Огонь камина подсветил его черты снизу, делая их резкими, почти демоническими.

— Я знаю, что такое страх, — сказал он тихо, чтобы слышала только она. — Я живу с ним каждый день. Страх потерять империю, страх оказаться сыном неудачника, страх, что однажды утром я проснусь и пойму, что мое сердце превратилось в камень, потому что камни не болят. Но твой страх другой. Он первобытный. Расскажи.

Это было приглашение. Или капкан. Ева смотрела в его зрачки и понимала, что если сделает шаг навстречу — обратной дороги не будет. Контракт сгорел вчера в огне камина. Сейчас решалось, останутся ли они двумя одиночками, греющимися у чужого огня, или станут пламенем общим.

Тяжелая люстра под потолком мигнула раз. Другой. Третий. И с протяжным, умирающим вздохом лампочка лопнула, осыпав паркет дождем из тонкого стекла.

Гостиная погрузилась в сумрак.

Только пламя камина осталось единственным источником света, превратив комнату в пещеру древнего человека.

Часть 3. Темнота (16:15)

Свет исчез мгновенно.

Не плавно угас, не предупредительно замерцал, а просто рухнул в бездну, словно перерезали горло самой реальности. Вместе с ним исчез гул генератора в подвале. Наступила абсолютная, физически ощутимая тишина. Та самая тишина, которая бывает только глубоко под землей или в космосе.

Для большинства обитателей дома это стало лишь бытовой неприятностью. Мария Петровна вскрикнула где-то в глубине коридора. Леонид смачно выругался, роняя бокал с коньяком. Дмитрий ойкнул, наступив босой ногой на деталь Lego, оставленную кем-то из племянников.

Но для Евы Лавровой конец света произошел именно в эту секунду.

Темнота обрушилась на неё бетонной плитой. Воздух мгновенно стал ледяным, вымораживая легкие. Запах дыма от камина исчез, уступив место запаху сырой штукатурки, кошачьей мочи и дешевого освежителя воздуха из её детства.

Флэшбек ударил под дых, лишая воли.

Комната площадью двенадцать квадратных метров. Желтый свет уличного фонаря с трудом пробивается сквозь тюль, покрытую слоем жирной городской пыли. Мать на смене в больнице. Отчим обещал вернуться поздно, но замок щелкнул в два часа ночи. Скрежет ключа в скважине. Тяжелые, шаркающие шаги. Запах перегара и нестиранных носков.

Маленькая Ева лежит под кроватью, сжимая в руках кухонный нож, украденный со стола. Деревянная ручка впивается в ладони. Сердце бьется где-то в горле, мешая дышать. Главное правило выживания: не шуметь. Если темно — значит, тебя не видят. Но если темно — значит, и ты не видишь врага. А враг всегда приходит оттуда, откуда не ждешь.

Скрип паркета. Прямо над головой. Черная тень заслоняет тусклый прямоугольник окна. И абсолютная, звенящая невозможность вдохнуть.

Реальность особняка Вороновых схлопнулась. Двухметровые потолки исчезли. Пространство сжалось до размеров гроба.

Ева перестала чувствовать ноги. Руки, сжимавшие полы шали, одеревенели. Кровь отхлынула от головы, вызвав звон в ушах такой частоты, что казалось, голова сейчас лопнет. Паническая атака пришла не волнами — она упала сверху, как гильотина.

Она не могла закричать. Горло свело спазмом. Она вообще забыла, как управлять собственным телом. Инстинкт рептилии вопил одно слово: «Замри».

Где-то справа горел камин. Живой, теплый, пульсирующий оранжевый свет. До него было метра четыре. Целая пропасть. Космос. Она не могла сделать эти четыре шага. Каждый шаг в темноте означал риск наступить на монстра.

— Лаврова.

Голос прозвучал совсем рядом. Низкий, вибрирующий, разрезающий мрак, как лазер.

Она вздрогнула всем телом, резко втянув воздух сквозь сжатые зубы. Звук получился сиплым, похожим на хрип утопающего.

— Тихо.

Тепло. Она почувствовала его кожей предплечья раньше, чем мозг успел обработать информацию. Максим стоял вплотную. Он не касался её руками, соблюдая невидимую границу, но его физическое присутствие создавало щит.

— Дыши, — приказал он. — Носом. Глубоко. На мой счет. Раз... Два... Три...

Он начал отсчет. Ровный, метрономный. Голос заполнял вакуум вокруг неё, вытесняя призраков из комнаты размером с обувную коробку.

— ...Четыре. Задержка. Пять. Выдох. Медленно. Через рот. Представь, что задуваешь свечу. Только одну. Ту, что внутри.

Ева послушалась. Легкие обожгло холодом, но спазм начал отпускать. Звон в ушах сменился низким гулом крови. Она смогла разжать пальцы. Шаль соскользнула с плеч и бесшумно упала на ковер.

— Еще раз, — командовал он. — Со мной. Вдох...

Она сделала судорожный глоток воздуха. Темнота больше не давила так сильно. Она стала просто отсутствием света, а не присутствием угрозы.

Максим сделал крошечный шаг вперед. Теперь их разделяли миллиметры ткани. Он поднял руку. Ева инстинктивно дернулась, ожидая захвата, удара, контроля. Но его ладонь легла ей на затылок. Не властно, не фиксируя. Просто тяжело и надежно, как гранитная плита.

— Всё хорошо, — выдохнул он ей в висок. Теплое дыхание коснулось влажной от испарины кожи. — Здесь только я. И старый ленивый дом. Никто не придет. Замки меняются каждые полгода. Код доступа меняют раз в неделю. Биометрия на всех дверях. Даже мышь не проскочит незамеченной. Ты в самом безопасном месте этой страны. В моей крепости.

Слова должны были звучать пафосно. Собственнически. Как заявление альфа-самца. Но в контексте крошечной тьмы и сломанного мира они звучали как единственная доступная истина.

Ева качнулась вперед. Потеряла равновесие. Ноги всё ещё плохо слушались. Она уткнулась лицом ему в грудь, вцепившись пальцами в лацканы его простой черной рубашки. Ткань была мягкой, дорогой, но под ней ощущался жесткий мышечный каркас. Несущая конструкция.

Она вдыхала его запах — озон после грозы, дорогая туалетная вода с нотами кедра и что-то сугубо личное, животное, мужское. Запах, который нельзя синтезировать в лаборатории Шанель. Запах живого человека.

— Я ненавижу темноту, — прошептала она куда-то в пространство между его ключицами. Голос дрожал, ломался, теряя всю профессиональную актерскую выдержку. — В ней звуки громче. В ней мысли громче. Я слышу, как плачет мама. Я слышу, как Штейн подписывает ордер на арест наших счетов. Я слышу, как этот дом рушится под тяжестью снега.

— Тише, — он провел рукой по её волосам, запутываясь пальцами в длинных темных прядях. Движение было механическим, успокаивающим. Таким гладят напуганных животных. — Закрой глаза.

— Зачем? — она подняла на него взгляд. В отблесках камина её глаза казались огромными, черными провалами. — Там страшнее.

— Там ничего нет, — возразил он. — А с закрытыми глазами есть я. Считай. Мой пульс. Положи руку сюда.

Он взял её ледяную ладонь и приложил к своей груди, прямо над сердцем. Заставил нажать пальцами, почувствовать ритм.

— Чувствуешь? — спросил он. — Сорок ударов в минуту. Метроном. Швейцарские часы. Механизм работает. Мир не кончился. Просто выключили картинку.

Ева закрыла глаза. Прислушалась. Под её пальцами билось сильное, размеренное сердце. Тук... Тук... Тук... Ровно. Надежно. Это биение вытесняло фантомные звуки скрипящих полов старейшей коммуналки.

Она крепче вжалась в него, пряча лицо. Ей нужно было раствориться. Перестать быть Евой Лавровой, актрисой, должницей. Стать просто частью этого тепла.

— Я никуда не уйду, — сказал Максим в её макушку. — Можешь держаться столько, сколько нужно. Даже если придется стоять так до рассвета. Даже если электричество дадут через неделю. Мои руки не затекут.

Они стояли посреди погруженной во мрак гостиной династии Вороновых. Вокруг них высились тени мертвецов с портретов, плясал рыжий демон в пасти камина, и выл ветер, пытающийся пробить трехслойные стеклопакеты.

Но в радиусе вытянутых рук царил штиль.

Часть 4. Якорь и гравитация (16:45 — 17:30)

Время потеряло линейность. Для Евы, вжавшейся лицом в грудь Максима, прошла вечность. Для часов на каминной полке — едва ли десять минут.

Она медленно приходила в себя, словно выныривая из ледяной воды. Тело всё ещё была мелкая дрожь — отходняк после адреналинового шторма, но паника отступила, оставив звенящую пустоту и свинцовую усталость в мышцах. Она осознавала каждую точку соприкосновения с ним: свои руки, мертвой хваткой вцепившиеся в его рубашку; свои ноги, которые он фактически держал на весу, не давая ей сползти на ковер; своё лицо, утонувшее в изгибе его шеи.

Максим стоял неподвижно, превратившись в живую статую. Только рука, поглаживающая её волосы, двигалась в монотонном, гипнотическом ритме. Он дышал ровно и глубоко, намеренно делая свое дыхание громким, чтобы она могла синхронизироваться с ним. Это была чистая физиология — передача спокойствия через базовые рефлексy.

— Отпусти, — тихо сказал он наконец. Голос вибрировал у неё под ухом. — Рубашка порвется. Семейная реликвия от Bgionі будет стоять мне премии.

Ева не разжала пальцы. Наоборот, только сильнее вдавила их в ткань.

— Не могу, — голос прозвучал глухо и чужеродно. В нём не было ни капли привычной дерзости или театрального надрыва. Была лишь оголенная, пугающая уязвимость. — Если я отпущу, темнота вернется. И ты тоже исчезнешь. Ты просто плод моего кислородного голодания.

Он издал звук, похожий на смешок, но без тени веселья. Хриплый, грудной выдох.

— К сожалению, я вполне материален. И довольно тяжелый. Мои колени начинают напоминать о возрасте и старых травмах дзюдо.

Только тогда Ева поняла, что они действительно стоят посреди комнаты, и вся нагрузка приходится на него. Она попыталась отстраниться, вернуть себе вертикальное положение, восстановить границы. Но мышцы отказались слушаться. Ноги подкосились.

Вместо того чтобы позволить ей упасть, Максим плавно изменил захват. Его руки переместились с затылка и спины на талию. Одним слитным, текучим движением, которое невозможно совершить человеку с «мертвым сердцем», он поднял её. Легко, словно она весила не больше подростка, и опустился вместе с ней на толстый персидский ковер прямо перед самым камином.

Здесь жар был почти невыносимым. Огонь облизывал их лица оранжевым светом, превращая обычную гостиную в преисподнюю для двоих.

Ева села, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Её трясло уже не от страха, а от холода, который всегда приходит на смену жару паники. Зубы начали выбивать дробь. Она смотрела на пламя, не видя его. Перед глазами всё ещё стояла черная комната коммуналки.

Максим поднялся. В темноте его силуэт казался вырезанным из ночи. Он сделал несколько шагов к дивану, послышался шорох ткани, скрип кожи. Вернулся он с тяжелым шерстяным пледом — тем самым, которым обычно укрывали Леонида Григорьевича во время дремоты. Пахло старым табаком и сухими листьями бергамота.

Он не стал набрасывать плед на неё сверху, как медсестра в больнице. Он сел рядом, настолько близко, что их бедра соприкоснулись сквозь слои одежды. Затем он развернул плед и накрыл им их обоих одним широким жестом, заключая в общий кокон тепла.

— Сиди смирно, — скомандовал он шепотом. — Или я тебя уроню.

Прежде чем Ева успела спросить, куда именно он собирается её ронять, Максим отклонился назад, используя валик дивана как опору, и потянул её за собой. Инстинктивно, спасаясь от потери равновесия, Ева упала вперед, оказавшись поверх него.

Теперь она лежала на Максиме Воронове.

Её щека прижималась к мягкому ворсу его кашемирового свитера прямо над солнечным сплетением. Их тела идеально совпадали геометрически — пазл, собранный впотьмах. Она чувствовала каждое его движение: как поднимается грудная клетка при вдохе, как напряжены мышцы пресса под ней, как бьется его сердце — теперь уже быстрее, сбившись с метрономного ритма успокоения.

— Удобно? — спросил он где-то над её макушкой. В вопросе слышалась легкая, безопасная ирония.

— Твердо, — ответила она, не поднимая головы. — У тебя кости острые. Никакой заботы о персонале.

— Могу предложить ортопедический матрас в спальне. Но там темно по-настоящему. Окна выходят на северную сторону, фонарь разбили еще в прошлом году.

Ева фыркнула. Смех получился сдавленным, царапающим горло, но это был настоящий смех. Лёд треснул.

— Манипулируешь моим главным страхом, Воронов? Это низко.

— Это эффективный менеджмент рисков, — парировал он, запуская вторую руку под плед. Теперь обе его ладони легли на её спину, поверх тонкой ткани халата. Большие пальцы начали совершать медленные круговые движения вдоль позвоночника.

Это прикосновение не имело ничего общего с сексом. В нем не было похоти, желания обладать или маркировать территорию. Это была терапия. Глубокий тканевой массаж, призванный снять спазм, который сковал её тело стальным корсетом час назад.

— Где болит? — спросил он. Вопрос звучал так обыденно, будто он спрашивал о прогнозе погоды.

— Между лопатками, — призналась Ева. — Там всегда копится злость. Когда нужно улыбаться коллектору и говорить, что деньги будут завтра.

— Знакомо, — его голос стал глуше. — Копится между ребер. Превращается в камень. Чтобы никто не догадался, что внутри пусто.

Они замолчали. Говорить было физически тяжело. Любое слово нарушало магию этого момента — момента абсолютной честности двух профессиональных лжецов. За стенами дома рушилась финансовая империя, матери требовали отчета, бывшие невесты готовили юридические удавки. А здесь, в пятне света от умирающего огня, существовали только тепло чужой кожи и ритм дыхания.

Ева закрыла глаза. Позволила себе провалиться в эту тяжесть. Впервые за много лет кто-то держал её не для того, чтобы контролировать, проверять или использовать. Держали просто потому, что если отпустят — она разобьется.

Его руки на её спине замедлили темп. Движения стали шире, ласковее. Большой палец случайно задел край её волос, спустился ниже, очертил линию роста волос на шее. Прикосновение вызвало волну мурашек.

Ева почувствовала, как меняется его собственное состояние. Сердце под её ухом пропустило удар. Потом еще один. Ритм перестал быть ровным. Дыхание стало глубже, горячее.

Она подняла голову.

Их лица оказались в опасной близости. Десять сантиметров. Пять. Расстояние поцелуя.

Огонь камина подсветил черты Максима снизу, сделав их резкими, готовыми, хищными. Но взгляд... взгляд изменился полностью. Исчез стальной серый цвет нержавеющей хирургической стали. Сейчас его глаза были цвета грозового неба перед дождем — тяжелые, темные, наполненные влагой.

Он смотрел на неё так, словно видел впервые. Без маски CEO, без циничного контракта, без вчерашней показной ярости танца. Просто мужчина. Уставший до костей. Одиноким в своем стеклянном небоскребе.

— Ева, — произнес он. Имя сорвалось с губ не приказом и не констатацией факта собственности. Оно прозвучало как вопрос. Как просьба о разрешении.

Она не ответила словами. Ответом стало движение. Медленное, осознанное сокращение дистанции. Она приподнялась на локтях, перенося вес тела, чтобы не давить на него слишком сильно, и склонила голову.

Поцелуй начался не со столкновения. Он начался с вопроса.

Губы коснулись губ едва ощутимо, невесомо. Словно пробуя температуру воды перед прыжком в прорубь. Давление минимальное. Запрос доступа.

Ева замерла, ожидая реакции. Жесткого захвата. Приказа. Холодного отстранения. Всего того, что составляло суть Максима Воронова.

Но он ответил иначе.

Его губы дрогнули и раскрылись навстречу. Рука, лежавшая на её пояснице, переместилась выше, запуталась в волосах на затылке, фиксируя её голову мягко, но бескомпромиссно. Вторая рука легла на основание черепа, большой палец прошёлся по линии скулы, стирая несуществующую слезу.

Этот поцелуй пах дымом, озоном и крахмальной чистотой его рубашки. В нём не было агрессии их первого столкновения в оранжерее, когда зубы клацали друг о друга от переизбытка подавленной ярости. Здесь была геометрия отчаяния.

Он целовал её так, словно запоминал карту местности перед долгой экспедицией в никуда. Исследовал контур верхней губы, прикусывал нижнюю — нежно, почти извиняющеся, зализывал место укуса языком. Каждый миллиметр контакта говорил: «Я здесь. Я реален. Темноты нет».

Ева отвечала ему с той же первобытной жадностью человека, долго бродившего по пустыне. Её пальцы вплелись в его волосы на затылке, срывая идеальную укладку, причиняя приятную, заземляющую боль. Она вкладывала в этот поцелуй всю свою нерастраченную нежность, которую годами тратила на уход за больной матерью и игру в выживальщицу.

Контракт сгорел. Штейн мог забрать счета. Алиса могла забрать акции. Мария Петровна могла забрать фарфор. Всё это казалось мелкими деталями интерьера по сравнению с биохимией, происходящей сейчас между ними. Окситоцин вытеснял кортизол. Страх смерти уступал место инстинкту продолжения жизни.

Мир сузился до размеров этой шкуры перед камином. До веса его рук. До вкуса его рта.

Когда потребность в кислороде стала критической, Максим прервал поцелуй. Но не отстранился. Он прижался своим лбом к её лбу. Они дышали в унисон, обмениваясь горячим воздухом, пытаясь остудить горящие легкие.

— Это ошибка, — прошептал он ей в переносицу. Голос был сломан, низок, совершенно непригоден для ведения совета директоров. — Мы нарушаем технику безопасности.

— Техника безопасности предполагает наличие запасного выхода, — отозвалась Ева, не открывая глаз. Её губы опухли и пульсировали. — В этом доме выходов нет. Только стены толщиной в два метра камня.

Он издал тихий, вибрирующий звук — нечто среднее между рычанием и стоном. Его руки сжались крепче, притягивая её таз плотнее к своим бедрам, лишая пространства для маневра. Устанавливая физический факт их слияния.

— Тогда мы горим, — констатировал он. — Вместе.

И он снова нашел её рот. На этот раз поцелуй был другим. Это был акт присвоения. Не жестокого, не потребительского, а отчаянного. Так тонущий цепляется за обломок мачты. Он пил её дыхание, метил её своим запахом, ставил невидимое клеймо собственника, которое нельзя оспорить ни в одном суде мира.

Ева плавилась. Платье-футляр под халатом вдруг показалось ей рыцарскими доспехами, мешающими коже дышать. Она начала двигаться — мелко, инстинктивно, совершая вращательные движения бедрами, создавая трение, ищущее разрядки.

Максим отреагировал мгновенно. Выгнулся навстречу, отрывая плечи от ковра. Оторвался от её губ, чтобы провести горячей дорожкой влажных поцелуев вниз — по линии челюсти, к чувствительной точке за ухом, заставляя её выгнуться дугой от прострелившего позвоночник удовольствия.

— Скажи мне остановиться, — прорычал он ей в шею, прихватывая кожу зубами. Не больно, но достаточно твердо, чтобы оставить след, который не сойдет до утра. Метка. — Скажи сейчас, Лаврова.

Она впилась ногтями в его плечи сквозь тонкий кашемир. Боль должна была отрезвить, но вместо этого лишь добавила искр в пороховую бочку.

— Если скажешь «прошу» — остановлюсь, — выдохнула она, скользя ладонью вниз по его груди, ощущая, как под тканью рубашки перекачиваются стальные канаты мышц. — Но ты ведь не попросишь, Макс. Гордые мальчики из хорошей семьи не просят. Они берут то, что принадлежит им по праву спасения утопающих.

Это сработало лучше любого афродизиака.

Макс зарычал — низко, животно, теряя последние остатки цивилизованности. Он перевернулся, меняя позиции одним мощным рывком, соблюдая законы физики так, чтобы она оказалась внизу, на мягкой шкуре, а он возвышался над ней, опираясь на руки по обе стороны от её головы.

Тень огромного мужчины накрыла её, отсекая свет камина. Темнота вернулась, но теперь она была безопасной. Потому что в этой темноте она видела его глаза. Серый шторм, готовый обрушиться на берег.

— Принадлежу, значит? — его голос вибрировал от сдерживаемой мощи. — Проверим теорию относительности активов.

Его рука нырнула под полу её халата. Прохладные пальцы коснулись обнаженной кожи талии. Ева втянула воздух сквозь сжатые зубы. Каждое касание сейчас отдавалось электрическим разрядом.

— Осторожнее, директор, — прошептала она, хотя сама выгибалась навстречу его руке. — Одно неверное движение, и мои акции рухнут окончательно. Прямо тебе в руки.

— Пусть падают, — ответил он, наклоняясь и запечатывая её слова новым поцелуем, глубоким, пьянящим, лишаящим воли. — Мне нужен контрольный пакет.

Часть 5. Рекалибровка (18:15)

Снег продолжал идти снаружи, погребая мир. Генератор в подвале молчал. Дом погрузился в восемнадцатый век, освещаемый только живой стихией огня.

Они лежали на медвежьей шкуре, переплетаясь ногами, завернутые в плед, который давно сполз на пол, но никто не делал попыток его поднять. Тепло исходило не столько от камина, сколько от них самих. Раскаленные ядра планет, столкнувшиеся в космосе заброшенного поместья.

Ева лежала головой на плече Максима. Её щека покоилась на влажной ткани его свитера. Она водила пальцем по рельефу его ключицы, выступающей над воротником, изучая топографию его тела так, словно пыталась запомнить её на случай новой катастрофы.

— Знаешь, что самое страшное в банкротстве? — спросила она тихо, прерывая уютную тишину, которая больше не пугала.

— Что? — Максим перебирал её волосы. Монотонно, успокаивающе. Действие, подсмотренное у кого-то из героев старых фильмов, которое он никогда раньше не практиковал.

— То, что приходят люди в серых костюмах, — продолжила она, глядя в потолок, где плясали багровые тени. — И описывают имущество. Включая личные вещи. Помнишь мою квартиру? Ту однушку в Марьино. Пришли двое. Один открыл холодильник. Посмотрел на половинку засохшего лимона и банку дешевого растворимого кофе. Сказал напарнику: «Записывай. Продуктовая корзина. Оценочная стоимость — ноль».

Она сделала паузу. Палец остановился на впадине у основания его горла.

— Они оценивают твой лимон в ноль рублей. А потом смотрят на тебя. И ты понимаешь, что они правы. Ты стоишь ровно столько, сколько стоит твой засохший лимон. Ни копейкой больше.

Максим молчал долго. Достаточно долго, чтобы она подумала, что зашла слишком далеко в своей исповеди. Разрушила момент интимности излишним трагизмом.

— Мой отец хранил первый заработанный рубль, — внезапно сказал он. — В сейфе. Рядом с пистолетом Макарова. Латунный кружок, стертый до дыр. Когда пришли приставы в девяносто восьмом... они забрали всё. Картины, машины, даже серебряные ложки бабушки. Но сейф отца вскрыть не смогли. Код знал только он. Отец умер за год до этого. От инфаркта, когда понял, что теряет дело всей жизни.

Ева повернулась на бок, лицом к нему. Подперла голову рукой.

— И что случилось с рублем?

— Сейф вырезали автогеном. Привезли сюда. Внутри был тот самый рубль. И прощальная записка. «Сын, империи строятся из грязи, но живут только благодаря людям, которые готовы стоять насмерть за свой чертов лимон».

Он посмотрел на неё. Взгляд был абсолютно ясным. Чистым.

— Твой лимон стоит миллиарды, Ева. Иначе ты бы не смогла заставить меня — человека, заморозившего свои эмоции ради выживания целой корпорации — лежать на полу гостиной и позволять гладить себя по голове.

Она усмехнулась. Горько, но искренне.

— Это не лимон, Макс. Это граната. Без чеки. Я дергаю за кольцо каждый день, просто чтобы чувствовать, что кровь еще бежит по венам.

Протяжный, гулкий вой ветра за окном сотряс стекла. Звук был таким низким, что завибрировали половицы. Казалось, сам дом стонет под тяжестью русской зимы.

Ева вздрогнула и инстинктивно придвинулась ближе, прячась от звука. Рефлекс остался. Максим почувствовал это. Его объятия сомкнулись вокруг неё автоматически, защищающе.

— Боишься? — повторил он свой утренний вопрос, но контекст изменился кардинально.

— Ветра боюсь, — призналась она, пряча лицо у него на груди. — Он звучит как сирена. Как сигнал тревоги. Как предвестник прихода тех, кто заберет последнее.

— Больше никаких сирен, — сказал он твердо. Приподнял её подбородок пальцами, заставляя смотреть в глаза. В свете огня его радужка казалась расплавленным серебром. — Слушай мой приказ. Операция «Выживание».

Она приподняла бровь. Игра возвращалась, но теперь правила писались обоими.

— Слушаю, командор.

— Первое: никакой связи с внешним миром до полной расчистки дорог. Мы официально вне зоны доступа. Молодожены в медовом месяце. Романтическая изоляция.

— Есть, сэр. А секс входит в протокол изоляции?

— Входит пункт четырнадцать точка восемь договора. Эмоциональный фон привязанности. Мы его перевыполняем.

Она рассмеялась. Громко, заливисто. Звук отразился от стен пустой гостиной, разгоняя призраков прошлого.

— Второе, — продолжил он, и его голос снова стал серьезным, бархатным, опасным. — Никаких разговоров о Штейнах, Измайловых и субсидиарной ответственности до рассвета. Кто нарушит — выполняет желание другого. Любое.

— Опасный пункт, Воронов. Учитывая наш текущий уровень горизонтального взаимодействия.

— Третье, — он проигнорировал шпильку. Наклонился ниже. Их губы почти соприкасались. — Утром, когда дадут свет, мы спустимся к завтраку. Ты будешь пить чай из моей чашки. Держать её двумя руками, потому что они будут дрожать от пережитого стресса. Я буду читать новости на планшете. Моя мать попытается убить тебя взглядом. Мы сделаем вид, что ничего не произошло.

— А что произошло? — спросила она шепотом. — Мы просто грелись. Энергосберегающий режим.

— Именно, — кивнул он. И закрыл расстояние между их губами.

На этот раз поцелуй был ленивым. Долгий, глубокий, исследующий. Поцелуй людей, которые нашли островок суши после кораблекрушения и теперь просто наслаждаются тем, что песок не уходит из-под ног.

Где-то в глубине дома старинные напольные часы начали бить шесть вечера. Гулкий, торжественный звон бронзы разрезал тишину.

Раз... Два... Три...

Каждый удар отмечал секунду их нового времени. Времени, в котором балансовый отчет заменялся пульсом, а активы измерялись теплом кожи под ладонью.

Четыре... Пять...

Ева запустила пальцы в его волосы, удерживая его, не желая отпускать этот миг покоя. Шесть... Семь...

Максим перекатился, подмяв её под себя, но бережно, распределяя вес. Его колено раздвинуло её бедра, устраиваясь между ними максимально плотно, заявляя права на территорию. Восемь... Девять...

Она выгнулась навстречу ему, встречая его движение своими бедрами. Ткань брюк и платья создавала мучительное, восхитительное трение. Воздух наполнился запахом разогретой шерсти, женского тела и сосновых дров.

Десять.

Последний удар часов совпал с тем моментом, когда Максим разорвал поцелуй, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Продолжим инвентаризацию? — хрипло спросил он. — Кажется, в западном крыле есть огромная кровать с балдахином. Система отопления там автономная. Протокол требует детального осмотра фундамента.

Ева провела ногтями по его затылку, оставляя красные полосы.

— Начинай оценку износа, директор. У нас впереди очень длинная ночь. И судя по вою ветра за окном — завтрашнее утро наступит нескоро.

Она притянула его голову обратно к своему лицу, закрывая глаза. Контракты могли гореть. Империи могли рушиться.

Но пока огонь пожирает дубовые поленья, а две тени сливаются в одну на стене старого особняка — конца света не существует. Существует только биение двух сердец в такт, заглушающее вой любой бури.

За окном мело. Мир заканчивался.

А они только начинали существовать по-настоящему.

****Глава 24: Наблюдатели****

****Эмоциональный тон (Moodboard):**** Холодный утренний свет, падающий на хрусталь и темное дерево; запах озона после ночной грозы смешивается с запахом остывающего мрамора. Ощущение сужающегося пространства — снежная клетка становится тесной для слишком больших тайн.

Часть 1. Анатомия завтрака (08:30)

Столовая в родовом поместье Вороновых никогда не казалась Еве такой огромной и одновременно душной. Пространство давило лепниной высоких потолков, тяжестью дубовых панелей и плотностью тишины, которая висела над столом гуще, чем пар над серебряным кофейником.

За окном бушевала метель, но здесь, внутри, царил идеальный порядок катастрофы. Генератор работал ровно, поддерживая тепло, но отсутствие связи с внешним миром превратило дом из крепости в склеп. На белоснежной скатерти лежали распечатки уведомлений от Центробанка и исковое заявление «СтройВека». Мария Петровна положила их туда демонстративно перед подачей омлета, словно приправу.

Ева сидела по правую руку от Максима. Физически они были разделены расстоянием в полметра дорогой ткани и пустым стулом Леонида Григорьевича, который еще спускался. Но психологически между ними натянулась струна такого напряжения, что любой случайный звук мог заставить её лопнуть.

Ева чувствовала себя так, будто стояла на сцене под перекрестным огнем прожекторов, только зрителей было всего двое, и оба знали текст лучше неё. Она медленно размешивала сахар в чашке эспresso. Три оборота ложечкой против часовой стрелки. Звяк о фарфор звучал как выстрел в этой звенящей пустоте.

Мария Петровна орудовала ножом с хирургической точностью. Она отрезала кусочек круассана, подняла его, но вместо того чтобы отправить в рот, начала методично крошить мякиш на тарелку. Её глаза, холодные и светлые, как зимнее небо, не отрывались от рук сына. Алиса Измайлова, сидевшая напротив, действовала иначе. Она ела грейпфрут. Каждое движение было выверено до миллиметра: нож рассекает кожуру идеальным кругом, ложка без единого лишнего звука извлекает мякоть. Это была не еда. Это был аудит ресурсов.

Максим пил кофе. Черный, густой, обжигающий. Он держал чашку за тонкую ручку двумя пальцами, и костяшки побелели от силы сжатия, хотя лицо оставалось непроницаемой маской СЕО. Его взгляд скользил по строчкам отчета СБ, который он просматривал на планшете, игнорируя еду. Но периферийным зрением он контролировал пространство вокруг Евы. Каждый раз, когда дядя Коля шумно вздыхал или слуга проходил мимо со сливочником, плечи Максима едва заметно напрягались, отгораживая Еву невидимым щитом.

Леонид Григорьевич спустился последним. Он выглядел единственным живым человеком в этом музее восковых фигур. Лицо деда покраснело от быстрой ходьбы по коридорам, а в глазах плясали веселые чертики человека, которому наконец-то перестало быть скучно.

— Ну вот, вся банда в сборе, — пробасил он, тяжело опускаясь во главу стола. — Appetit зверский. Метель бодрит. Мария, прекрати издеваться над хлебом, у него тоже нервы.

Мария Петровна вздрогнула, словно очнувшись от транса. Пальцы замерли над россыпью крошек.

— Я просто думаю, Леня. Думаю, чем мы будем кормить эту... трупку, если дороги не расчистят к вечеру. Запасы провизии рассчитаны на штат прислуги, а не на гастролирующий театр одного актера.

Удар пришелся точно в цель. Слово «театр» повисло в воздухе липким оскорблением. Ева почувствовала, как Максим рядом с ней превратился в статую. Воздух стал густым. Нужно было дышать, но вдох застрял где-то в районе диафрагмы. Старый страх сцены — холодный пот между лопаток, ватные ноги — ударил внезапно, вопреки всем контрактам и репетициям. Она актриса. Актриса должна уметь держать удар. Но сейчас она была голой. Без сценария.

Она опустила ложку. Медленно. Чтобы руки не дрожали. Посмотрела на Марию Петровну. Прямо в эти ледяные, оценивающие глаза.

— Театр кормится аплодисментами, Мария Петровна, — голос Евы прозвучал неожиданно низко и спокойно, разрезав тишину. — А судя по вашему лицу, вчерашняя премьера прошла с аншлагом. Так что голодными мы не останемся. У вас отличный кредит доверия в банке моего терпения.

Алиса поперхнулась соком. Дядя Коля закашлялся в салфетку. Леонид Григорьевич громко фыркнул, разбрызгивая чай, и тут же захохотал, стуча ладонью по столу.

— Вот! Учись, Мария! Девчонка дает сдачи. Петя бы одобрил. Твоя покойная свекровь молчала годами, пока язву себе не нажила, а эта — р-раз, и вскрыла!

Смех деда разрядил обстановку, но лишь внешне. Взгляд Марии Петровны теперь напоминал ствол снайперской винтовки, направленный точно в переносицу Евы. Игра перешла из фазы разведки боем в фазу открытого уничтожения.

Часть 2. Перекрестный допрос (09:15)

Омлет остывал. Кофе терял аромат. Время в столовой текло вязко, как смола. Атмосфера стала невыносимой, и агрессоры перешли в наступление, решив использовать эффект неожиданности, пока дед пребывает в благодушном настроении.

Первой нанесла удар мать. Она отложила салфетку, промокнув уголки губ движением королевы, принимающей капитуляцию посла.

— Ева, дорогая, — начала она медовым голосом, от которого у любого менее подготовленного человека свело бы зубы. — Мы вчера так и не поговорили толком. Ты выглядишь совершенно изможденной. Эти ваши театральные ночи, дешевые гостиницы, духота кулис... Я понимаю юношеский максимализм, сама такой была. Но кожа... это профессиональное? Или ты просто плохо спишь?

Это был классический прием токсичной заботы. Вопрос, замаскированный под сочувствие, но несущий заряд яда. Намек на нищету («дешевые гостиницы») и обвинение в неблагодарности («ты плохо спишь», то есть мучаешь моего сына своей бессонницей).

Ева не моргнула. Она взяла свой тост, щедро намазала его фермерским маслом и сделала вид, что глубоко задумалась над сложной гастрономической задачей.

— Сплю я прекрасно, спасибо, — ответила она с набитым ртом, глядя куда-то поверх головы Марии Петровны. — Особенно когда нет риска проснуться от того, что коллекторы выносят дверь в коммуналку. После этого, знаете ли, шелковые простыни кажутся верхом роскоши, даже если генератор гудит так, что трясется паркет. Что касается кожи... — она повернулась к Максиму, лучезарно улыбаясь. — Макс, напомни мне заказать крем La Mer твоей матери. Тот, что стоит как подержанный Ford Focus. Говорят, он отлично маскирует последствия бессонных ночей, проведенных в попытках спасти империю твоего деда от банкротства. Мне нужно выглядеть презентабельно на похоронах нашего кредитного рейтинга.

Мария Петровна побледнела так, что пудра на её лице пошла трещинами. Она ожидала смущения, оправданий, слез. Получила публичную порку финансовой статистикой.

Не давая ей вставить слово, инициативу перехватила Алиса. Она закончила с грейпфрутом. Нож лег на край тарелки бесшумно. Она наклонилась чуть вперед, сцепив пальцы в замок. Теперь говорила не женщина, а аналитик М&А отдела.

— Кстати, о спасении империи, — вступила Алиса. Голос у нее был мелодичный, но абсолютно мертвый. — Ева, твоя импровизация вчера вечером была... впечатляющей. Настоящая комедия дель арте. Только у меня возник чисто профессиональный вопрос. Курс актерского мастерства учит тому, как правильно интерпретировать уведомление Центрального Банка о блокировке корреспондентских счетов? Или там дают отдельный модуль по чтению мелкого

шрифта в исковых заявлениях конкурентов? У тебя был такой сосредоточенный вид, когда Макс показывал тебе бумаги. Нижняя челюсть двигалась так характерно. Как при заучивании роли.

Это был нокаут. Перевод интеллекта в статус комического элемента. Обесценивание её присутствия сведением к функции «подай-принеси-посмотри документы».

Ева медленно дожевала тост. Проглотила. Вытерла губы той самой салфеткой, которой Мария Петровна минуту назад демонстрировала свое превосходство. Она посмотрела на Алису. И впервые за всё утро позволила себе настоящую, профессиональную хищную улыбку.

— Бумаги, Алиса Андреевна, читаются одинаково вне зависимости от профессии. Буквы складываются в цифры. Цифры говорят правду. Например, ту самую приписку внизу страницы сорок два вашего собственного брачного договора с Дмитрием. Там ведь указано, что в случае форс-мажора активы вашей семьи консолидируются с активами Воронов Групп через кросс-дефолт. Забавно, правда? Вы пришли сюда забрать корону, но забыли посмотреть на фундамент. Если наш корабль пойдет ко дну, ваш утонет вместе с нами, потому что он прикован к нашей палубе стальной цепью обязательств вашего отца. Так что молитесь, чтобы наш генератор работал исправно. Ваша идеальная укладка держится исключительно на нашем топливе.

Тишина, последовавшая за этим, была оглушительной. Можно было услышать, как падает пылинка на столовое серебро.

Дядя Коля смотрел в свою тарелку так, словно пытался провалиться сквозь землю. Леонид Григорьевич откинулся на спинку стула, сложил руки на животе и сиял, как начищенный самовар. Ему нравилась кровь на паркете.

Мария Петровна смотрела на Еву взглядом энтомолога, обнаружившего новый, крайне ядовитый вид насекомых. План рушился. Вместо испуганной Золушки в кресле сидел опытный ликвидатор.

Алиса медленно закрыла рот. Кровь отлила от её лица, оставив лишь идеально ровный слой матового тона. Профессиональная броня дала микротрещину. Она поняла, что аутсайдер знает правила игры и играет ими лучше неё.

Максим всё это время не проронил ни слова. Он перестал смотреть в планшет. Он смотрел на Еву. Сначала с тревогой — когда заговорила мать. Затем с изумлением — когда начался обмен ударами. А сейчас... Сейчас в его серых глазах таял лед. Стена отчуждения, которую он строил годами, осыпалась песком. Он видел женщину, которая вошла в змеиное логово его семьи вооруженная лишь языком и интеллектом, и вышла оттуда, забрав скальпы обеих соперниц. Он больше не видел актрису по контракту. Он видел своего генерала.

Он медленно положил вилку. Звук металла о фарфор заставил всех вздрогнуть.

— Достаточно, — сказал он тихо. Но этот тихий приказ перекрыл бы рев бури за окном. — Завтрак окончен. Всем спасибо. Ева, пойдем.

Он встал. Отодвинул её стул легким движением руки, прежде чем она успела коснуться его. Протянул ладонь. Ева вложила свои пальцы в его руку. Рукопожатие вышло жестким, почти болезненным — союз двух людей, стоящих спиной к спине посреди вражеской территории.

Они вышли из столовой под гробовое молчание. Последнее, что услышала Ева, закрывая тяжелые двойные двери, был громкий, искренний смех Леонида Григорьевича:

— Бог мой, сын. Где ты прятал эту девочку? Женись на ней прямо сегодня, пока она добрая!

Часть 3. Деконструкция масок (09:30 – 10:00)

Коридор второго этажа встретил их гулкой пустотой и портретами предков, чьи нарисованные глаза следили за каждым шагом. Максим не отпустил её руку. Он волок Еву за собой быстрым, пружинистым шагом хищника, которому нужно срочно покинуть место охоты, чтобы переварить добычу.

Они остановились только у высокого стрельчатого окна в конце галереи. За стеклом кипел белый хаос. Метр снега уже намело на подоконник снаружи.

Максим развернул Еву лицом к себе. Вторая рука легла на стену рядом с её плечом, замыкая её в ловушку. Расстояние сократилось до критического. Она чувствовала жар его тела сквозь тонкий кашемир водолазки, запах его одеколона — озон, дорогое дерево и табак — бил в нос, вызывая странное, опасное головокружение.

— Ты назвала мою мать одинокой старухой, — произнес он. В его голосе не было упрека. Была констатация факта, граничащая с восхищением. — При моем деде. При моей бывшей невесте. За моим завтраком.

— Я перевела твои финансовые отчеты на язык эмоций, — выдохнула Ева. Она не пыталась отстраниться. Стояла твердо, глядя ему прямо в расширенные зрачки. — Им нужен был театр абсурда, Воронов. Они ждали либо шлюху, либо золотоискательницу. Я дала им трагедию греческой богини. Мы банкроты. Нам больше нечего терять, кроме вежливости. А вежливость нынче самый переоцененный дериватив.

Его губы дрогнули. Уголки поползли вверх, ломая привычную линию сурового рта. Это была первая настоящая улыбка, которую она увидела у него — не оскал акулы бизнеса, а мальчишеская, шкодливая ухмылка сообщника.

— Захват заложников, — повторил он её фразу из прошлой главы. — Эффективно.

— Всегда пожалуйста, — она пожала плечами, насколько позволяла его хватка на стене. — Мой гонорар входит в сумму аванса?

— Нет, — он качнул головой. Свободная рука поднялась. Пальцы, привыкшие подписывать миллиардные сделки, осторожно коснулись её скулы. Сняли невидимую пылинку, стерли воображаемую каплю джема в уголке рта. Жест был интимным до неприличия в этих стенах. — Этот бонус выплачивается натурой. По мере поступления требований.

Он наклонился ниже. Их дыхание смешалось. Мир сузился до квадрата света от окна и прямоугольника тени от его плеча.

— То, что ты сделала... — прошептал он хрипло. — Моя мать три года готовила почву для приезда Алисы. Укрепляла позиции. Договаривалась с отцом Измайлова. А ты пришла и сожгла всё это дотла за двадцать минут, используя остатки моего холодного кофе как бензин.

— Я хорошая актриса, — шепнула она в ответ. — Лучшая роль в моей жизни. Жалко только, что зал состоит из скорпионов в банке.

— Зал нас больше не волнует, — его палец прочертил линию по её нижней губе. — Меня волнует только сцена. И тот факт, что моя главная партнерша забыла смыть грим Пьеро. У тебя тушь размазалась.

Ева инстинктивно дернулась поднять руку к лицу, но он перехватил запястье.

— Не здесь, — отрезал он, возвращая маску СЕО. — Слугам не нужны подробности анатомии наших отношений. Держи лицо, Лаврова. До обеда мы снова муж и генеральный подрядчик фиктивного брака. Поняла задачу?

Глаза Евы опасно блеснули. Она высвободила руку, подошла вплотную, вторгаясь в его личное пространство так же нагло, как делала это в спальне ночью. Положила ладони ему на грудь, прямо на дорожную шерсть пиджака.

— Поняла, начальник, — промурлыкала она, копируя его деловой тон. — Разрешите исполнять? Только учти, Воронов. Если твоя мать попытается отравить меня грибами за ужином, я скажу, что это была часть перформанса современного искусства. И выставлю счет галерее Саатчи. Включив туда стоимость химчистки твоего ковра.

Прежде чем он успел ответить, тяжелая дверь кабинета деда скрипнула. Леонид Григорьевич стоял на пороге, опираясь на трость, и хитро щурился.

— Если вы закончили инвентаризацию лицевых активов друг друга, марш в библиотеку. Есть разговор. Суровый. Бизнес-ориентированный. Хочу посмотреть, умеете ли вы воровать миллионы так же красиво, как хлеб друг у друга из-под носа.

Максим мгновенно изменился. Плечи расправились, подбородок поднялся. Он отступил от Евы ровно на полшага, восстанавливая дистанцию делового партнера. Но когда он проходил мимо неё к кабинету, его мизинец мимолетно, почти незаметно мазнул по её ладони. Тайный код Морзе: *«Мы выжили. Продолжаем игру»*.

Ева осталась стоять одна в пустом коридоре. Сердце колотилось где-то в горле. Она прижала ледяные пальцы к горящим губам. Свечи, которые привезут днем, обещали стать началом конца. Но сейчас, вдыхая морозный воздух из щели в окне, она понимала страшную вещь: конец контракта ее пугает гораздо меньше, чем перспектива остаться в этом доме одной, когда снег растает.

Часть 4. Кабинет патриарха. Активы и пассивы (10:15)

Кабинет Леонида Григорьевича пах старыми книгами, крепким табаком и властью, которая не требовала доказательств. Здесь не было стеклянных столов и хромированных поверхностей. Только массивный дуб, зеленое сукно и глобус, который, казалось, весил тонну.

Дед сидел в глубоком кожаном кресле, похожий на старого капитана пиратского судна, пережившего десяток бунтов. Он махнул им рукой, указывая на диван.

— Садитесь. И придвиньтесь ближе, простуду мне тут разводить не надо. Грейтесь.

Максим сел первым, заняв позицию телохранителя — вполоборота к двери, готовый закрыть Еву собой. Ева села рядом, соблюдая небольшую, формальную дистанцию, но колени их соприкоснулись под складками пледа, которым был накрыт диван. Маленький очаг бунта.

Леонид долго молчал, набивая трубку. Выпустил первый клуб дыма, который сизой спиралью ушел под потолок.

— Итак, голуби мои, — начал он весело. — Поздравляю. Вчера вечером вы показали лучший спектакль в этом доме со времен похорон Сталина. Мария в бешенстве. Алиса в панике. Акционеры будут рыдать, когда узнают, какую гранату внук притащил в совет директоров. Вопрос номер один: кто режиссер? Кто написал сценарий унижения моей невестки?

Максим переглянулся с Евой. Ответственность лидера не позволяла ему переложить вину.

— Идея совместная, — сухо ответил Максим. — Исполнение полностью объект «Лаврова». Я обеспечивал силовую поддержку.

— Объект «Лаврова» звучит как ракета класса «земля-воздух», — хмыкнул дед. — И летает соответственно. Ева, девочка, сколько ты хочешь за консультацию по сносу старых зданий?

— Безопасность моей матери и право оставить кота, — не моргнув глазом ответила Ева. — Плюс те двести тысяч евро, что прописаны в изначальном контракте. Инфляция нервов требует индексации.

Леонид расхохотался снова. Хлопнул себя по колену.

— Наглая. Люблю наглых. Хорошо. Контракт пересмотрим. Поднимем ставку вдвое, раз уж ты работаешь кризис-менеджером семейного масштаба. Теперь к делу. — Смех исчез. Взгляд стал тяжелым, свинцовым. — Максим. Докладывай диспозицию. Без воды. Сколько у нас времени до введения временной администрации?

Максим подобрался. Маска любящего внука слетела окончательно. Перед дедом сидел Железный Дровосек корпорации.

— Четыре дня. Семьдесят два часа чистого операционного времени. Сегодня суббота. В понедельник откроются токийская и гонконгская биржи. Если мы не предоставим «Строй-Веку» обеспечение по кредиту «Горизонта» до открытия торгов в Токио, сработают триггеры дефолта. Банки начнут требовать досрочного погашения всей кредитной линии синдиката. Это около восьмисот миллионов долларов. Ликвидности столько нет. Даже если продать все личные активы, включая этот дом и коллекцию картин, мы соберем половину.

— Дальше, — кивнул дед, затягиваясь.

— Отец Алисы использует ситуацию. Его предложение о слиянии остается в силе, но цена упала. Теперь он хочет контрольный пакет. Наш бренд станет дочерним предприятием «Измайлов Эстейт». Управление перейдет к нему. Нас с тобой выведут из совета, выплатив отступные, которых хватит на год аренды офиса.

— А брак? — дед посмотрел на Алису, потом на Еву.

— Брак с Алисой аннулирует долг перед банком через вливание капитала её отца, — продолжил Максим. — Но уничтожает независимость компании. Брак со мной... — он бросил короткий взгляд на Еву, — ...ничего не меняет финансово. Юристы Измайловых уже готовят встречные иски. Они оспорят фиктивность нашего союза. Потребуют признать сделку недействительной ввиду отсутствия совместного ведения хозяйства до регистрации. Попытаются арестовать счета как имущество, полученное преступным путем путем мошенничества с целью уклонения от раздела активов при гипотетическом разводе с Алисой.

Повисла пауза. Ева слушала это, ощущая, как ледяной пот течет по позвоночнику. Миллиарды. Биржи. Синдикаты. Всё это время она думала, что ставки — это её карточные долги и

аренда комнаты. Оказывается, она жила на вулкане, жерло которого сейчас решили заткнуть ею, как пробкой.

— Значит, вариант с Алисой экономически выгоднее, — констатировал Леонид, обращаясь к внуку. — Больнее, грязнее, но компания выживет. Империя останется в семье, пусть и под другой фамилией. Зачем ты продолжаешь возиться с девочкой из театра? Романтический порыв съест твой мозг, мальчик. Я воспитывал тебя не для этого.

Максим не отвел взгляда.

— Потому что Алиса — это капитуляция, — сказал он ровно. — Расчетливый проигрыш ради сохранения фасада. А Ева... — он сделал паузу, подбирая слова. Впервые финансовый гений затруднялся с формулировкой. — Ева — это агрессия. Это отказ признавать поражение. Когда она говорит с моей матерью, она не защищается. Она захватывает территорию. Мне нужна такая паранойя в совете директоров. Мне нужен человек, который будет видеть угрозу в каждой букве договора. Мать защищает прошлое. Алиса защищает деньги отца. Ева защищает свою жизнь. И сейчас наша жизнь совпадает вплоть до миллиметра.

Леонид Григорьевич переводил взгляд с внука на девушку. Он видел не влюбленных. Он видел двух волков, чья глотка находится в одном капкане. Логика Максима была безумной с точки зрения учебников МВА, но безупречной с точки зрения стаи.

— Хорошо, — кивнул дед. — Красиво стелешь. Но романтика романтикой, а восемьсот миллионов сами себя не заплатят. Что у нас есть в активе, чего нет у Измайлова?

— Земля, — жестко сказал Максим. — Реальные активы. Проект «Тихая Гавань» заморожен, но разрешения получены. Правительство области ищет инвестора под инфраструктуру. Если мы сольем проект государственно-частному партнерству прямо сейчас, мы получим живые деньги. Около трехсот миллионов. Этого хватит, чтобы заткнуть дыру в «Горизонте» и оттянуть дефолт на квартал.

— Продать жемчужину короны мародерам? — поморщился дед.

— Продать чертежи, чтобы сохранить завод, — поправил Максим. — Кроме того...

Он достал из внутреннего кармана флешку. Положил её на зеленое сукно.

— Компромат. Елена Петровна всю ночь шерстила архивы консультантов Измайлова. Нарушения экологических норм на их стройках в Сочи. Откаты чиновникам ФИФА. Серые схемы вывода дивидендов через Кипр. Шантаж чистой воды. Если мы опубликуем это синхронно с объявлением о продаже «Тихой Гавани», акции «Измайлов Эстейт» рухнут. Дедушка Измайлова попадет под следствие. Капитал папочки заморозят. Ему станет не до покупки наших долгов.

Ева смотрела на маленькую пластиковую флешку. На ней держалась судьба миллиардов. И судьбы сотен простых рабочих «Горизонта», которые могли выйти на улицу.

Леонид взял флешку. Покрутил в пальцах.

— Грязно, — протянул он с явным удовольствием. — Очень грязно. Мне нравится. Сын бы гордился. Петр всегда говорил: если враг сильнее, бей ниже пояса, но бей так, чтобы голова отлетела. — Он вернул флешку Максиму. — Действуйте. Срок — до вечера понедельника. Сделаете — я переписываю завещание. Провалите... — он усмехнулся, — впрочем, в случае провала мое завещание вам обоим не понадобится. Вам понадобятся хорошие адвокаты по уголовным делам. Вопросы есть?

Вопросов не было. Инструктаж верховного главнокомандующего был завершен.

Часть 5. Эхо в библиотеке (11:00)

Они вышли из кабинета другими людьми. Не актерами пьесы о фиктивном браке, а членами экипажа подводной лодки, получившими боевой приказ. Воздух между ними вибрировал от адреналина и общей тайны.

Максим сразу направился к своему кабинету, бросив на ходу:

— Мне нужно связаться с Марковым. Начнем сброс активов. Зайдешь через час, подпишем допсоглашение к договору. Увеличим твой риск-бонус втрое.

Он скрылся за дверью красного дерева. Щелчок замка прозвучал как отсечка гильотины. Ева осталась стоять в центре библиотеки. Полумрак, тысячи томов в кожаных переплетах, тишина.

Только сейчас, когда напряжение боя схлынуло, тело дало сбой. Ноги стали ватными. Адреналиновый отходняк ударил тяжелой чугунной плитой. Она пошатнулась и оперлась рукой о стеллаж. Пыль веков оседала на коже.

Она выиграла раунд. Спасла лицо Максима. Заставила деда уважать себя. Выторговала безопасность Барса и кардиостимулятор для матери.

Но цена...

Цена заключалась в том, что пути назад больше не существовало. Максим назвал её своим оружием. Своим кризис-менеджером. Но оружие не имеет права на слабость. Оружие не может сказать: «Мне страшно, Воронов. Я хочу домой, в мою съемную студию, где обои пузырями сходят от сырости, но зато никто не пытается отобрать восемьсот миллионов долларов».

Она посмотрела на свои руки. Маникюр, сделанный стилистом накануне, был идеален. Лак цвета запекшейся крови. Руки женщины, которая держит судьбу корпорации.

Ева медленно подошла к огромному письменному столу Максима. Опустилась в его рабочее кресло. Кожаное сиденье ещё хранило тепло его тела. Отсюда, с высоты этого кресла, мир выглядел иначе. Экран ноутбука в режиме ожидания отражал её лицо — бледное, с темными кругами под глазами, но с жесткой линией рта.

Она положила ладони на столешницу. Дуб был гладким, отполированным миллионами касаний.

«Ты справишься, Лаврова, — сказала она своему отражению. — Ты пять лет играла официанток и пчел. Справишься и с ролью жены миллиардера. Главное — не забывать вовремя открывать рот, когда ешь перепелов, и кусать всех, кто тянет руки к твоему коту».

Раздался тихий звуковой сигнал. Резервный коммуникатор внутренней связи, встроенный в панель стола. Голос Елены Петровны, сухой и безэмоциональный:

— Ева Артуровна, машина с генератором и запасом провизии прибыла. Шесть ящиков свечей доставлены в малую гостиную. Служба протокола ждет ваших указаний по сервировке обеда. Господин Воронов просил передать, что пункт 14.8 договора вступает в силу с четырнадцати ноль-ноль. Начинайте любить меня. Искренне. Камеры включены.

Ева закрыла глаза. Глубоко вздохнула, насыщая кровь кислородом. Открыла их. Страх никуда не делся. Он просто лег на дно сознания толстым слоем ила. Поверх него натянулась маска.

Она встала. Поправила лацканы простого кашемирового жакета. Выпрямила спину.

Снаружи выл ветер, заматавая дорогу к старой жизни. Внутри дома начиналась самая сложная репетиция в её карьере. Генеральный прогон перед концом света.

Конец главы.

Глава 25. Прогулка в зимнем саду

Часть 1. Анатомия пепла (07:15)

Зимний сад Вороновых не был предназначен для жизни. Архитектор прошлого века строил его как памятник имперской тоске по несуществующему югу: массивный чугунный каркас, закопченный временем стеклянный купол и ряды мертвых пальм в дубовых кадках. Сейчас, под свинцовым декабрьским небом, сквозь которое едва пробивался серый рассвет, оранжерея напоминала склеп тропических аристократов.

Ева сидела на широких мраморных перилах ограждения фонтана, давно превратившегося в ледяную глыбу. Огромный плед из альпаки, который она ночью стащила с дивана в гостиной, укрывал её до самого подбородка. Босые ноги, завернутые в шерстяные носки Максима, упирались в холодный камень. Она смотрела на свои руки — пальцы всё ещё мелко дрожали после событий прошлой ночи, когда темнота обрушилась на неё бетонной плитой панической атаки.

Максим Воронов стоял у старой чугунной печи-буржуйки, втиснутой между кадками с фикусами ради спасения редких орхидей от вымерзания. Он методично, без спешки, подкладывал поленья. Дрова были дорогими, выдержанными, они пахли кедром и смолой, а не сыростью подмосковных лесов. На Максиме не было привычного костюма-тройки или кашемирового свитера ручной вязки. Только простая черная водолазка, заправленная в потертые джинсы, которые стоили дороже годового бюджета театра «Синтез».

Он работал руками. Это зрелище само по себе было аномалией. Человек, чья нервная система последние десять лет управляла движением миллиардов долларов, сейчас держал в руках грубое дерево, пачкая ладони сажей.

— Ты когда-нибудь спишь? — голос Евы прозвучал хрипло, словно она только что очнулась от долгого крика. — Или твоя центральная нервная система работает на дизельном топливе?

Максим даже не обернулся. Полено заняло свое место в топке с глухим стуком. Он задвинул тяжелую чугунную дверцу.

— Сплю, — ровно ответил он. — Три часа сорок минут. Оптимальный цикл REM для сохранения когнитивных функций при дефиците времени.

Ева горько усмехнулась, плотнее кутаясь в плед. Даже во сне этот мужчина считал эффективность. Она наблюдала за ним со своего насеста. Утренний свет падал из-под купола, очерчивая резкий профиль: высокие скулы, жесткую линию рта, которая сейчас была расслаблена больше обычного. От него пахло озоном, дорогим табаком и той специфической мужской усталостью, которую не может смыть ни один гель для душа.

— Знаешь, что самое страшное в банкротстве? — вдруг спросила она, глядя куда-то сквозь стекло, где кружились крупные хлопья снега.

Максим замер с кочергой в руке.

— Что?

— То, что приходят люди в серых костюмах. И описывают имущество. Включая личные вещи. Помнишь мою квартиру? Ту однушку в Марьино. Пришли двое. Один открыл холодильник. Посмотрел на половинку засохшего лимона и банку дешевого растворимого кофе. Сказал напарнику: «Записывай. Продуктовая корзина. Оценочная стоимость — ноль».

Она сделала глоток остывшего кофе из фарфоровой чашки, стоявшей на перилах рядом с ней.

— Они оценивают твой лимон в ноль рублей. А потом смотрят на тебя. И ты понимаешь, что они правы. Ты стоишь ровно столько, сколько стоит твой засохший лимон. Ни копейкой больше.

Максим отложил кочергу. Звук металла о металл эхом разнесся под стеклянным сводом. Он подошел к фонтану, оперся бедром о бортик, но садиться не стал. Слишком близко. Слишком опасно после того, что произошло час назад, когда он нашел её забившейся в угол библиотеки в темноте.

— Мой отец хранил первый заработанный рубль, — внезапно сказал он, глядя на пар, поднимающийся от чашки Евы. — Латунный кружок, стертый до дыр. В сейфе. Рядом с пистолетом Макарова. Когда пришли приставы в девяносто восьмом... они забрали всё. Картины, машины, серебряные ложки бабушки. Но сейф отца вскрыть не смогли. Код знал только он. Отец умер за год до этого. От инфаркта, когда понял, что теряет дело всей жизни.

Ева повернула голову. Впервые за утро маска циничной актрисы дала трещину, обнажив просто очень уставшую женщину.

— И что случилось с рублем?

— Сейф вырезали автогеном. Привезли сюда. Внутри был тот самый рубль. И прощальная записка. «Сын, империи строятся из грязи, но живут только благодаря людям, которые готовы стоять насмерть за свой чертов лимон».

Он посмотрел на неё. Взгляд изменился. Сталь исчезла, сменившись чем-то тяжелым и прозрачным, как осенняя вода.

— Твой лимон стоит миллиарды, Ева. Иначе ты бы не смогла заставить меня — человека, заморозившего свои эмоции ради выживания целой корпорации — лежать на полу гостиной и позволять гладить себя по голове.

Она фыркнула, пытаясь вернуть привычный сарказм, но звук вышел сдавленным.

— Это не лимон, Макс. Это граната. Без чеки. Я дергаю за кольцо каждый день, просто чтобы чувствовать, что кровь еще бежит по венам.

Протяжный вой ветра ударил в стекла оранжереи. Купол содрогнулся. Ева инстинктивно вжалась спиной в теплый бок каменной кладки фонтана, рефлекторно ища опору. Темнота снова попыталась просочиться внутрь через звуки бури.

Максим почувствовал это движение. Его рука легла на край пледа, накрывая её колени тяжелой, горячей ладонью. Не собственнически. Защитно.

— Боишься? — спросил он тихо.

— Ветра боюсь, — призналась она, пряча лицо в складках ткани. — Он звучит как сирена. Как сигнал тревоги. Как предвестник прихода тех, кто заберет последнее.

— Больше никаких сирен, — его голос стал твердым, приобретая знакомые командные нотки, но теперь направленные не на совет директоров, а на хаос внутри неё. — Слушай мой приказ. Операция «Выживание».

Ева приподняла бровь, выглядывая из своего кокона.

— Слушаю, командор.

— Первое: никакой связи с внешним миром до полной расчистки дорог. Мы официально вне зоны доступа. Молодожены в медовом месяце. Романтическая изоляция.

— Есть, сэр. А секс входит в протокол изоляции?

— Входит пункт четырнадцать точка восемь договора. Эмоциональный фон привязанности. Мы его перевыполняем.

Она рассмеялась. Громко, искренне, запрокинув голову. Смех отразился от стеклянного купола, пугая сонных воробьев, облюбовавших карниз. Впервые за много месяцев ей не нужно было играть радость. Ей позволили быть собой.

****Часть 2. Деконструкция масок (08:30)****

Столовая встретила их звоном хрусталя и запахом свежесваренного кофе. За длинным столом красного дерева, способным вместить полк кавалерии, царило напряжение такой плотности, что воздух казался густым.

Мария Петровна восседала во главе стола, справа от пустующего кресла Леонида Григорьевича. Перед ней лежали распечатки искового заявления «СтройВека» и уведомление Центробанка о блокировке корреспондентских счетов ГК «Воронов Капитал». Она крошила круасан на мелкие кусочки, превращая выпечку в горку белых крошек — наглядную визуализацию краха династии.

Алиса Измайлова сидела напротив. Идеальная осанка, идеальная кожа, идеальный узел волос. Она ела грейпфрут. Каждое движение было выверено до миллиметра: нож отсекает кожуру идеальным кругом, ложечка извлекает мякоть беззвучно. Алиса не завтракала. Она проводила аудит ресурсов перед поглощением актива.

Ева села по правую руку от Максима. Между ними оставалось расстояние в полметра дорогой скатерти и пустой стул деда. Физически они были разделены, но невидимая нить напряжения натянулась так сильно, что готова была лопнуть от любого случайного звука.

Леонид Григорьевич спустился последним. Выглядел он помятым, но абсолютно счастливым. Лицо деда раскраснелось от быстрой ходьбы, глаза блестели азартом игрока, которому наконец раздали хорошие карты.

— Ну вот, вся банда в сборе, — прогремел он, тяжело опускаясь в кресло. — Appetit зверский. Метель бодрит. Мария, прекрати издеваться над хлебом, у него тоже нервы.

Мария Петровна вздрогнула, словно очнувшись от транса. Пальцы замерли над рассыпью крошек.

— Я просто думаю, Леня. Думаю, чем мы будем кормить эту... труппу, если дороги не расчистят к вечеру. Запасы провизии рассчитаны на штат прислуги, а не на гастролирующий театр одного актера.

Удар пришелся точно в цель. Слово «театр» повисло в воздухе липким оскорблением. Ева почувствовала, как Максим рядом превратился в статую. Воздух стал густым. Нужно было дышать, но вдох застрял где-то в районе диафрагмы. Старый страх сцены — холодный пот между лопаток, ватные ноги — ударил внезапно, вопреки всем контрактам.

Она опустила ложку. Медленно. Чтобы руки не дрожали. Посмотрела на свекровь прямо в эти ледяные, оценивающие глаза.

— Театр кормится аплодисментами, Мария Петровна, — голос Евы прозвучал низко и спокойно, разрезав тишину столовой. — А судя по вашему лицу, вчерашняя премьера прошла с аншлагом. Так что голодными мы не останемся. У вас отличный кредит доверия в банке моего терпения.

Алиса поперхнулась соком. Дядя Коля закашлялся в салфетку. Леонид Григорьевич громко фыркнул, разбрызгивая чай, и тут же захохотал, стуча ладонью по столу.

— Вот! Учись, Мария! Девчонка дает сдачи. Петя бы одобрил. Твоя покойная свекровь молчала годами, пока язву себе не нажила, а эта — р-раз, и вскрыла!

Смех деда разрядил обстановку, но лишь внешне. Взгляд Марии Петровны теперь напоминал ствол снайперской винтовки, направленный точно в переносицу Евы. Игра перешла из фазы разведки боем в фазу открытого уничтожения.

Омлет остывал. Кофе терял аромат. Атмосфера стала невыносимой, и агрессоры перешли в наступление.

Первой нанесла удар мать:

— Ева, дорогая, — начала она медовым голосом. — Мы вчера так и не поговорили толком. Ты выглядишь совершенно изможденной. Эти ваши театральные ночи, дешевые гостиницы, духота кулис... Я понимаю юношеский максимализм, сама такой была. Но кожа... это профессиональное? Или ты просто плохо спишь?

Классический прием токсичной заботы. Вопрос, замаскированный под сочувствие, но несущий заряд яда. Намек на нищету («дешевые гостиницы») и обвинение в неблагодарности.

Ева взяла свой тост, щедро намазала его фермерским маслом и сделала вид, что глубоко задумалась над сложной гастрономической задачей.

— Сплю я прекрасно, спасибо, — ответила она с набитым ртом, глядя куда-то поверх головы Марии Петровны. — Особенно когда нет риска проснуться от того, что коллекторы выносят дверь в коммуналку. После этого шелковые простыни кажутся верхом роскоши, даже

если генератор гудит так, что трясется паркет. Что касается кожи... — она повернулась к Максиму, лучезарно улыбаясь. — Макс, напомни мне заказать крем La Mer твоей матери. Тот, что стоит как подержанный Ford Focus. Говорят, он отлично маскирует последствия бессонных ночей, проведенных в попытках спасти империю твоего деда от банкротства. Мне нужно выглядеть презентабельно на похоронах нашего кредитного рейтинга.

Мария Петровна побледнела так, что пудра пошла трещинами. Она ожидала слез. Получила публичную порку финансовой статистикой.

Не давая ей вставить слово, инициативу перехватила Алиса. Она закончила с грейпфрутом. Нож лег на край тарелки бесшумно. Она наклонилась чуть вперед, сцепив пальцы в замок. Теперь говорила не женщина, а аналитик M&A отдела.

— Кстати, о спасении империи, — вступила Алиса. Голос у нее был мелодичный, но абсолютно мертвый. — Ева, твоя импровизация вчера вечером была... впечатляющей. Настоящая комедия дель арте. Только у меня возник чисто профессиональный вопрос. Курс актерского мастерства учит тому, как правильно интерпретировать уведомление Центрального Банка о блокировке корреспондентских счетов? Или там дают отдельный модуль по чтению мелкого шрифта в исковых заявлениях конкурентов? У тебя был такой сосредоточенный вид, когда Макс показывал тебе бумаги. Нижняя челюсть двигалась так характерно. Как при заучивании роли.

Это был нокаут. Перевод интеллекта в статус комического элемента.

Ева медленно дожевала тост. Проглотила. Вытерла губы той самой салфеткой, которой Мария Петровна минуту назад демонстрировала свое превосходство. Она посмотрела на Алису. И впервые за всё утро позволила себе настоящую, профессиональную хищную улыбку.

— Бумаги, Алиса Андреевна, читаются одинаково вне зависимости от профессии. Буквы складываются в цифры. Цифры говорят правду. Например, ту самую приписку внизу страницы сорок два вашего собственного брачного договора с Дмитрием. Там ведь указано, что в случае форс-мажора активы вашей семьи консолидируются с активами Воронов Групп через кросс-дефолт. Забавно, правда? Вы пришли сюда забрать корону, но забыли посмотреть на фундамент. Если наш корабль пойдет ко дну, ваш утонет вместе с нами, потому что он прикован к нашей палубе стальной цепью обязательств вашего отца. Так что молитесь, чтобы наш генератор работал исправно. Ваша идеальная укладка держится исключительно на нашем топливе.

Тишина, последовавшая за этим, была оглушительной. Можно было услышать, как падает пылинка на столовое серебро.

Дядя Коля смотрел в свою тарелку так, словно пытался провалиться сквозь землю. Леонид Григорьевич откинулся на спинку стула, сложил руки на животе и сиял, как начищенный самовар. Ему нравилась кровь на паркете.

Мария Петровна смотрела на Еву взглядом энтомолога, обнаружившего новый, крайне ядовитый вид насекомых. План рушился. Вместо испуганной Золушки в кресле сидел опытный ликвидатор.

Алиса медленно закрыла рот. Кровь отлила от её лица. Профессиональная броня дала микротрещину. Она поняла, что аутсайдер знает правила игры и играет ими лучше неё.

Максим всё это время не проронил ни слова. Он перестал смотреть в планшет. Он смотрел на Еву. Сначала с тревогой — когда заговорила мать. Затем с изумлением — когда начался обмен ударами. А сейчас... Сейчас в его серых глазах таял лед. Стена отчуждения, которую он строил годами, осыпалась песком. Он видел женщину, которая вошла в змеиное логово его

семьи вооруженная лишь языком и интеллектом, и вышла оттуда, забрав скальпы обеих соперниц. Он больше не видел актрису по контракту. Он видел своего генерала.

Он медленно положил вилку. Звук металла о фарфор заставил всех вздрогнуть.

— Достаточно, — сказал он тихо. Но этот тихий приказ перекрыл бы рев бури за окном.
— Завтрак окончен. Всем спасибо. Ева, пойдем.

Он встал. Отодвинул её стул легким движением руки, прежде чем она успела коснуться его. Протянул ладонь. Ева вложила свои пальцы в его руку. Рукопожатие вышло жестким, почти болезненным — союз двух людей, стоящих спиной к спине посреди вражеской территории.

Они вышли из столовой под гробовое молчание. Последнее, что услышала Ева, закрывая тяжелые двойные двери, был громкий, искренний смех Леонида Григорьевича:

— Бог мой, сын. Где ты прятал эту девочку? Женись на ней прямо сегодня, пока она добрая!

****Часть 3. Библиотека патриарха. Активы и пассивы (10:15)****

Кабинет Леонида Григорьевича пах старыми книгами, крепким табаком и властью, которая не требовала доказательств. Здесь не было стеклянных столов и хромированных поверхностей. Только массивный дуб, зеленое сукно и глобус, который, казалось, весил тонну.

Дед сидел в глубоком кожаном кресле, похожий на старого капитана пиратского судна. Он махнул им рукой, указывая на диван.

— Садитесь. И придвиньтесь ближе, простуду мне тут разводить не надо. Грейтесь.

Максим сел первым, заняв позицию телохранителя — вполоборота к двери, готовый закрыть Еву собой. Ева села рядом, соблюдая небольшую, формальную дистанцию, но колени их соприкоснулись под складками пледа, которым был накрыт диван. Маленький очаг бунта.

Леонид долго молчал, набивая трубку. Выпустил первый клуб дыма, который сизой спиралью ушел под потолок.

— Итак, голуби мои, — начал он весело. — Поздравляю. Вчера вечером вы показали лучший спектакль в этом доме со времен похорон Сталина. Мария в бешенстве. Алиса в панике. Акционеры будут рыдать, когда узнают, какую гранату внук притащил в совет директоров. Вопрос номер один: кто режиссер? Кто написал сценарий унижения моей невестки?

Максим переглянулся с Евой. Ответственность лидера не позволяла ему переложить вину.

— Идея совместная, — сухо ответил Максим. — Исполнение полностью объект «Лаврова». Я обеспечивал силовую поддержку.

— Объект «Лаврова» звучит как ракета класса «земля-воздух», — хмыкнул дед. — И летает соответственно. Ева, девочка, сколько ты хочешь за консультацию по сносу старых зданий?

— Безопасность моей матери и право оставить кота, — не моргнув глазом ответила Ева. — Плюс те двести тысяч евро, что прописаны в изначальном контракте. Инфляция нервов требует индексации.

Леонид расхохотался. Хлопнул себя по колену.

— Наглая. Люблю наглых. Хорошо. Контракт пересмотрим. Поднимем ставку вдвое, раз уж ты работаешь кризис-менеджером семейного масштаба. Теперь к делу. — Смех исчез. Взгляд стал тяжелым, свинцовым. — Максим. Докладывай диспозицию. Без воды. Сколько у нас времени до введения временной администрации?

Максим подобрался. Маска любящего внука слетела окончательно.

— Четыре дня. Семьдесят два часа чистого операционного времени. Сегодня суббота. В понедельник откроются токийская и гонконгская биржи. Если мы не предоставим «Строй-Веку» обеспечение по кредиту «Горизонта» до открытия торгов в Токио, сработают триггеры дефолта. Банки начнут требовать досрочного погашения всей кредитной линии синдиката. Это около восьмисот миллионов долларов. Ликвидности столько нет. Даже если продать все личные активы, включая этот дом и коллекцию картин, мы соберем половину.

— Дальше, — кивнул дед, затягиваясь.

— Отец Алисы использует ситуацию. Его предложение о слиянии остается в силе, но цена упала. Теперь он хочет контрольный пакет. Наш бренд станет дочерним предприятием «Измайлов Эстейт». Управление перейдет к нему. Нас с тобой выведут из совета, выплатив отступные, которых хватит на год аренды офиса.

— А брак? — дед посмотрел на Алису, потом на Еву.

— Брак с Алисой аннулирует долг перед банком через вливание капитала её отца, — продолжил Максим. — Но уничтожает независимость компании. Брак со мной... — он бросил короткий взгляд на Еву, — ...ничего не меняет финансово. Юристы Измайловых уже готовят встречные иски. Они оспорят фиктивность нашего союза. Потребуют признать сделку недействительной ввиду отсутствия совместного ведения хозяйства до регистрации. Попытаются арестовать счета как имущество, полученное преступным путем путем мошенничества с целью уклонения от раздела активов при гипотетическом разводе с Алисой.

Повисла пауза. Ева слушала это, ощущая, как ледяной пот течет по позвоночнику. Миллиарды. Биржи. Синдикаты. Всё это время она думала, что ставки — это её карточные долги и аренда комнаты. Оказывается, она жила на вулкане, жерло которого сейчас решили заткнуть ею, как пробкой.

— Значит, вариант с Алисой экономически выгоднее, — констатировал Леонид, обращаясь к внуку. — Больнее, грязнее, но компания выживет. Империя останется в семье, пусть и под другой фамилией. Зачем ты продолжаешь возиться с девочкой из театра? Романтический порыв съест твой мозг, мальчик. Я воспитывал тебя не для этого.

Максим не отвел взгляда.

— Потому что Алиса — это капитуляция, — сказал он ровно. — Расчетливый проигрыш ради сохранения фасада. А Ева... — он сделал паузу, подбирая слова. Впервые финансовый гений затруднялся с формулировкой. — Ева — это агрессия. Это отказ признавать поражение. Когда она говорит с моей матерью, она не защищается. Она захватывает территорию. Мне нужна такая паранойя в совете директоров. Мне нужен человек, который будет видеть угрозу в каждой букве договора. Мать защищает прошлое. Алиса защищает деньги отца. Ева защищает свою жизнь. И сейчас наша жизнь совпадает вплоть до миллиметра.

Леонид Григорьевич переводил взгляд с внука на девушку. Он видел не влюбленных. Он видел двух волков, чья глотка находится в одном капкане. Логика Максима была безумной с точки зрения учебников МВА, но безупречной с точки зрения стаи.

— Хорошо, — кивнул дед. — Красиво стелешь. Но романтика романтикой, а восемьсот миллионов сами себя не заплатят. Что у нас есть в активе, чего нет у Измайлова?

— Земля, — жестко сказал Максим. — Реальные активы. Проект «Тихая Гавань» заморожен, но разрешения получены. Правительство области ищет инвестора под инфраструктуру. Если мы сольем проект государственно-частному партнерству прямо сейчас, мы получим живые деньги. Около трехсот миллионов. Этого хватит, чтобы заткнуть дыру в «Горизонте» и оттянуть дефолт на квартал.

— Продать жемчужину короны мародерам? — поморщился дед.

— Продать чертежи, чтобы сохранить завод, — поправил Максим. — Кроме того...

Он достал из внутреннего кармана флешку. Положил её на зеленое сукно.

— Компромат. Елена Петровна всю ночь шерстила архивы консультантов Измайлова. Нарушения экологических норм на их стройках в Сочи. Откаты чиновникам ФИФА. Серые схемы вывода дивидендов через Кипр. Шантаж чистой воды. Если мы опубликуем это синхронно с объявлением о продаже «Тихой Гавани», акции «Измайлов Эстейт» рухнут. Дедушка Измайлова попадет под следствие. Капитал папочки заморозят. Ему станет не до покупки наших долгов.

Ева смотрела на маленькую пластиковую флешку. На ней держалась судьба миллиардов. И судьбы сотен простых рабочих «Горизонта», которые могли выйти на улицу.

Леонид взял флешку. Покрутил в пальцах.

— Грязно, — протянул он с явным удовольствием. — Очень грязно. Мне нравится. Сын бы гордился. Петр всегда говорил: если враг сильнее, бей ниже пояса, но бей так, чтобы голова отлетела. — Он вернул флешку Максиму. — Действуйте. Срок — до вечера понедельника. Сделаете — я переписываю завещание. Провалите... впрочем, в случае провала мое завещание вам обоим не понадобится. Вам понадобятся хорошие адвокаты по уголовным делам. Вопросы есть?

Вопросов не было. Инструктаж верховного главнокомандующего был завершен.

****Часть 4. Эхо в библиотеке (11:00)****

Они вышли из кабинета другими людьми. Не актерами пьесы о фиктивном браке, а членами экипажа подводной лодки, получившими боевой приказ. Воздух между ними вибрировал от адреналина и общей тайны.

Максим сразу направился к своему кабинету, бросив на ходу:

— Мне нужно связаться с Марковым. Начнем сброс активов. Зайдешь через час, подпишем допсоглашение к договору. Увеличим твой риск-бонус втрое.

Он скрылся за дверью красного дерева. Щелчок замка прозвучал как отсечка гильотины. Ева осталась стоять в центре библиотеки. Полумрак, тысячи томов в кожаных переплетах, тишина.

Только сейчас, когда напряжение боя схлынуло, тело дало сбой. Ноги стали ватными. Адреналиновый отходняк ударил тяжелой чугунной плитой. Она пошатнулась и оперлась рукой о стеллаж. Пыль веков оседала на коже.

Она выиграла раунд. Спасла лицо Максима. Заставила деда уважать себя. Выторговала безопасность Барса и кардиостимулятор для матери.

Но цена заключалась в том, что пути назад больше не существовало. Максим назвал её своим оружием. Своим кризис-менеджером. Но оружие не имеет права на слабость. Оружие не может сказать: «Мне страшно, Воронов. Я хочу домой, в мою съемную студию, где обои пузырями сходят от сырости, но зато никто не пытается отобрать восемьсот миллионов долларов».

Она посмотрела на свои руки. Маникюр, сделанный стилистом накануне, был идеален. Лак цвета запекшейся крови. Руки женщины, которая держит судьбу корпорации.

Ева медленно подошла к огромному письменному столу Максима. Опустилась в его рабочее кресло. Кожаное сиденье ещё хранило тепло его тела. Отсюда, с высоты этого кресла, мир выглядел иначе. Экран ноутбука в режиме ожидания отражал её лицо — бледное, с темными кругами под глазами, но с жесткой линией рта.

Она положила ладони на столешницу. Дуб был гладким, отполированным миллионами касаний.

«Ты справишься, Лаврова, — сказала она своему отражению. — Ты пять лет играла официанток и пчел. Справишься и с ролью жены миллиардера. Главное — не забывать вовремя открывать рот, когда ешь перепелов, и кусать всех, кто тянет руки к твоему коту».

Раздался тихий звуковой сигнал. Резервный коммуникатор внутренней связи, встроенный в панель стола. Голос Елены Петровны, сухой и безэмоциональный:

— Ева Артуровна, машина с генератором и запасом провизии прибыла. Шесть ящиков свечей доставлены в малую гостиную. Служба протокола ждет ваших указаний по сервировке обеда. Господин Воронов просил передать, что пункт 14.8 договора вступает в силу с четырнадцати ноль-ноль. Начинайте любить меня. Искренне. Камеры включены.

Ева закрыла глаза. Глубоко вздохнула, насыщая кровь кислородом. Открыла их. Страх никуда не делся. Он просто лег на дно сознания толстым слоем ила. Поверх него натянулась маска.

Она встала. Поправила лацканы простого кашемирового жакета. Выпрямила спину.

Снаружи выл ветер, заматавая дорогу к старой жизни. Внутри дома начиналась самая сложная репетиция в её карьере. Генеральный прогон перед концом света.

****Часть 5. Рекалибровка (18:15)****

Снег продолжал идти снаружи, погребая мир. Генератор в подвале молчал. Дом погрузился в восемнадцатый век, освещаемый только живой стихией огня.

Они лежали на медвежьей шкуре перед камином, переплетаясь ногами, завернутые в плед, который давно сполз на пол, но никто не делал попыток его поднять. Тепло исходило не столько от камина, сколько от них самих. Раскаленные ядра планет, столкнувшиеся в космосе заброшенного поместья.

Ева лежала головой на плече Максима. Её щека покоилась на влажной ткани его свитера. Она водила пальцем по рельефу его ключицы, выступающей над воротником, изучая топографию его тела так, словно пыталась запомнить её на случай новой катастрофы.

— Знаешь, что самое страшное в банкротстве? — спросила она тихо, прерывая уютную тишину, которая больше не пугала.

— Что?

— То, что приходят люди в серых костюмах, — продолжила она, глядя в потолок, где плясали багровые тени. — И описывают имущество. Включая личные вещи. Помнишь мою квартиру? Ту однушку в Марьино. Пришли двое. Один открыл холодильник. Посмотрел на половинку засохшего лимона и банку дешевого растворимого кофе. Сказал напарнику: «Записывай. Продуктовая корзина. Оценочная стоимость — ноль».

Она сделала паузу. Палец остановился на впадине у основания его горла.

— Они оценивают твой лимон в ноль рублей. А потом смотрят на тебя. И ты понимаешь, что они правы. Ты стоишь ровно столько, сколько стоит твой засохший лимон. Ни копейкой больше.

Максим молчал долго. Достаточно долго, чтобы она подумала, что зашла слишком далеко в своей исповеди. Разрушила момент интимности излишним трагизмом.

— Мой отец хранил первый заработанный рубль, — внезапно сказал он. — В сейфе. Рядом с пистолетом Макарова. Латунный кружок, стертый до дыр. Когда пришли приставы в девяносто восьмом... они забрали всё. Картины, машины, даже серебряные ложки бабушки. Но сейф отца вскрыть не смогли. Код знал только он. Отец умер за год до этого. От инфаркта, когда понял, что теряет дело всей жизни.

Ева повернулась на бок, лицом к нему. Подперла голову рукой.

— И что случилось с рублем?

— Сейф вырезали автогеном. Привезли сюда. Внутри был тот самый рубль. И прощальная записка. «Сын, империи строятся из грязи, но живут только благодаря людям, которые готовы стоять насмерть за свой чертов лимон».

Он посмотрел на неё. Взгляд был абсолютно ясным. Чистым.

— Твой лимон стоит миллиарды, Ева. Иначе ты бы не смогла заставить меня — человека, заморозившего свои эмоции ради выживания целой корпорации — лежать на полу гостиной и позволять гладить себя по голове.

Она усмехнулась. Горько, но искренне.

— Это не лимон, Макс. Это граната. Без чеки. Я дергаю за кольцо каждый день, просто чтобы чувствовать, что кровь еще бежит по венам.

Протяжный, гулкий вой ветра за окном сотряс стекла. Звук был таким низким, что завибрировали половицы. Казалось, сам дом стонет под тяжестью русской зимы.

Ева вздрогнула и инстинктивно придвинулась ближе, прячась от звука. Рефлекс остался. Максим почувствовал это. Его объятия сомкнулись вокруг неё автоматически, защищающе.

— Боишься? — повторил он свой утренний вопрос, но контекст изменился кардинально.

— Ветра боюсь, — призналась она, пряча лицо у него на груди. — Он звучит как сирена. Как сигнал тревоги. Как предвестник прихода тех, кто заберет последнее.

— Больше никаких сирен, — сказал он твердо. Приподнял её подбородок пальцами, заставляя смотреть в глаза. В свете огня его радужка казалась расплавленным серебром. — Слушай мой приказ. Операция «Выживание».

Она приподняла бровь.

— Первое: никакой связи с внешним миром до полной расчистки дорог. Мы официально вне зоны доступа. Молодожены в медовом месяце. Романтическая изоляция.

— Есть, сэр.

— Второе: завтра утром мы спускаемся вниз. Елена привезет портниху. Твоя задача — примерить платье. Настоящее. Шелк. Никакого Арлекина из детского утренника.

— Поняла. А кот?

— Барс переходит на казенное довольствие. Я отдал распоряжение шеф-повару. Никаких компромиссов в питании персидских принцев.

Ева рассмеялась. Тихо, счастливо, чувствуя, как спазм в горле, державший её последние сутки, наконец отпускает.

— Ты самый опасный актив в моем портфеле, — прошептала она, зарываясь носом в изгиб его шеи.

— Я знаю, — он перевернулся, подмяв её под себя, опираясь на локти, чтобы не раздавить. — Держись за меня, Лаврова. Похоже, наше банкротство отменяется.

За окном бушевала метель, отрезая их от всего мира. В одной части Москвы в роскошной постели спала Алиса Измайлова, подсчитывая во сне налоги будущего мужа. В другой, свернувшись клубком на казенном белье больничной палаты, спала Мария Ильинична Сабурова, которой снилось, что ее дочь наконец встретила принца.

А здесь, на мягкой шкуре перед умирающим огнем, лежали двое людей, чьи души были покрыты шрамами, но чьи сердца впервые за долгое время били в такт.

Сделка с дьяволом состоялась. Но оказалось, что дьявол тоже попал на крючок.

Глава 26. Случайная помощь

Часть 1. Анатомия усталости (03:15)

Гул двигателей бизнес-джета был монотонной колыбельной для тех, кто привык спать на ходу. За толстым стеклом иллюминатора не было ничего — только абсолютная, густая чернота стратосферы, изредка разрезаемая вспышками статического электричества в облаках далеко внизу. Они летели над океаном уже третий час, отрезанные от мира километрами пустоты и протоколом «Черная метка», который выключил их телефоны быстрее, чем спецслужбы успели заблокировать счета.

Ева сидела в глубоком кожаном кресле напротив Максима. Она больше не была актрисой. Театр сгорел вместе с репутацией Воронова. Сейчас она была просто женщиной, у которой закончились батарейки.

Костюм Арлекина остался там, в горящем прошлом, погребенный под обломками империи. Елена Петровна перед вылетом сунула ей пакет с вещами из своего гардероба. Простая черная кашемировая водолазка теперь висела на Еве мешком, а брюки пришлось закатать три-

жды. Но ткань была мягкой, пахла лавандой и чужим, очень дорогим спокойствием. Это успокаивало лучше любого транквилизатора.

Максим выглядел хуже. Гораздо хуже. Его идеальный костюм-тройка помялся на коленях. Галстук он сорвал еще в машине по дороге к частному терминалу и сейчас сидел, расстегнув воротник белоснежной рубашки так глубоко, что виднелась ключица. Он смотрел на планшет, лежащий на его бедрах. Экран давно погас, перейдя в режим ожидания, но Воронов продолжал буравить взглядом черный прямоугольник, словно мог силой воли заставить мертвые серверы заработать снова.

Его пальцы, длинные, нервные, с идеальным маникюром хищника, неподвижно лежали на подлокотниках. Поза человека, готового к удару, который никак не наступает. Адреналиновая кома. Ева видела это состояние у актеров после премьеры «Чайки» — когда ты выложился до дна, отдал всё, включая душу, и теперь внутри только звенящая тишина и легкая тошнота.

Она пошевелилась, пытаясь размять затекшую шею. Позвонок хрустнул громко, нарушив гипнотический гул турбин. Ева подняла руку, чтобы поправить волосы, собранные в небрежный пучок на затылке шпилькой Елены Петровны. Движение было слишком резким. Ткань её старенькой шелковой блузки — той самой, театральной, с перламутровыми пуговицами неправильной формы, которые она берегла как талисман со времен ГИТИСа, — натянулась.

Раздался тихий, сухой щелчок. Словно сломалась сухая веточка.

Маленькая перламутровая пуговка, размером с горошину, оторвалась от ворота. Она покатилась по мягкому ворсу ковролина, тускло блеснула в свете дежурного освещения кабины и исчезла где-то под массивным основанием кресла Евы.

Блузка тут же потеряла форму. V-образный вырез распахнулся, обнажая край кружевного лифчика телесного цвета и бледную кожу ключицы. Холодный воздух салона коснулся открытого участка тела, заставив соски напрячься.

В любой другой ситуации за последние два дня Максим отреагировал бы мгновенно. Либо ледяным замечанием о недопустимости неряшливости при акционерах, либо тяжелым вздохом раздражения. Сейчас он даже не моргнул. Просто продолжил смотреть в потухший экран планшета.

Ева прижала воротник ладонью к груди. Щеки вспыхнули жаром. Не от стыда — они прошли через такие круги ада, что обнажение части лифчика казалось детским лепетом. Ей стало невыносимо обидно. До слез. Из-за глупой пуговицы. Из-за того, что эта вещь пережила побои аниматоров, пыль подвальных театров и бегство через снег, а теперь предала её вот так — банально и тихо.

— Ну конечно, — выдохнула она в пустоту. Голос сел от недосыпа и звучал хрипло, прокуренно. — Конечно.

Это слово вырвалось само собой. Оно вместило в себя всё: десять миллиардов долга, замороженные офшоры, Алису с её камерой, смерть отца Максима и этот чертов кусок перламутра, катящийся в бездну между креслами.

Только услышав звук собственного голоса, Максим вышел из ступора. Он медленно повернул голову. Взгляд серых глаз прошелся по её лицу, спустился к судорожно сжатой руке, прижимающей ткань, задержался на долю секунды на обнаженной коже и наконец встретился с её глазами.

В его взгляде не было мужского интереса. Там вообще почти ничего не было, кроме густой, тяжелой усталости. Но сквозь эту усталость проступало нечто иное. Узнавание. Он видел Еву Лаврову во всех возможных состояниях: грязную, окровавленную, дерзкую, нагую, испуганную. И сейчас он впервые увидел её... потерянной. Как ребенка, у которого отобрали любимую игрушку посреди войны.

Он моргнул. Медленно, тяжело, словно поднимая веки, сделанные из свинца.

— У меня есть нитки, — сказал он вдруг. Голос звучал глухо, пробиваясь сквозь пересохшее горло.

Ева удивленно вскинула брови.

— Что?

— Нитки. И иголки. Я никуда не выезжаю без дорожного набора. Мария Петровна считает, что джентльмен должен уметь пришить пуговицу сам. Чтобы не позорить семью вызовом прислуги в чужой дом.

Он говорил ровным тоном корпоративного лектора, но глаза его чуть заметно смягчились в уголках. Он отложил мертвый планшет на соседнее кресло. Раздался тяжелый, влажный шлепок дорогой кожи о кожу.

Часть 2. Тишина инструментов (03:20)

Максим поднялся одним плавным движением тренированного тела. Несмотря на усталость, грация пантеры никуда не делась — каждое движение было экономичным, выверенным. Он подошел к барной стойке из полированного черного дерева, встроенной в переборку. Потянул ручку ящика.

Звук выдвигающегося механизма прозвучал в тишине кабины оглушительно громко. Почти выстрел.

Достав оттуда небольшой саквояж из темно-коричневой кожи ручной работы, Максим вернулся. Он не стал садиться в свое кресло. Вместо этого он опустился на низкий пуфик для ног прямо перед ней. Теперь их лица оказались на одном уровне.

Пространство сжалось до размеров золотого сечения. Запах его одеколona — озон, горький дубовый мох и едва уловимая нотка кубинского табака — заполнил легкие Евы. К этому запаху примешивался холодный металлический аромат самого саквояжа.

Максим положил футляр на колени и щелкнул замком. Внутри, на синем бархате, лежали инструменты, которым было место в операционной или мастерской часовщика. Тонкие золотые щипчики, лупа, крошечные ножнички с лезвиями острее бритвы и набор шелковых нитей всех оттенков радуги.

— Выбирай цвет, — произнес он, кивнув на внутренности саквояжа.

Ева смотрела на него сверху вниз. На склоненную голову с волосами, которые нуждались в стрижке. На широкие плечи, обтянутые тонкой тканью рубашки. На руки. Эти руки привыкли подписывать бумаги ценой в бюджеты стран, ломать судьбы людей одним росчерком и сжиматься в кулаки на совете директоров. Сейчас эти пальцы аккуратно, почти благоговейно касались разноцветных катушек.

— Черный, — прошептала она. — Или серый. Что-нибудь незаметное.

Он выбрал катушку плотного графитового шелка. Откусил нить зубами — жест настолько первобытный и неожиданный для образа вице-президента корпорации, что Ева невольно вздрогнула. Он перехватил нить пальцами, ловко вдел её в ушко золотой иглы. Петля получилась идеальной, узел завязан хирургически точно.

Всё это время он молчал. Слышно было только дыхание — его размеренное, похожее на работу метронома, и её — сбившееся, учащенное.

— Руки, — скомандовал он, не поднимая глаз на её лицо. Его взгляд был прикован к ткани.

Ева медленно, сопротивляясь каждой клеточкой своего уставшего тела, разжала пальцы. Блузка окончательно распахнулась. Воздух стал холоднее. Максим протянул руку и мягко, но властно отвел её ладони от груди.

— Держи воротник ровно, — приказал он. — Вот так. Натяни.

Его пальцы легли поверх её пальцев, направляя их. Контакт кожи с кожей. Тепло его рук обжигало сквозь тонкий хлопок перчаток, которые он забыл снять. Ева почувствовала, как по позвоночнику прокатилась горячая волна, оседая тяжестью внизу живота. Это было неправильно. Это было опасно. Но сил отстраниться не было.

Она послушно задрала подбородок, подставляя шею. Ощущение полной, абсолютной уязвимости накрыло её с головой. Она, женщина, которая пять минут назад планировала взлом сервера врага, сидя на полу библиотеки, сейчас стояла перед ним с запрокинутой головой, как пациентка перед дантистом.

Максим придвинулся ближе. Колени уперлись в мягкий валик её кресла. Расстояние сократилось до интимного минимума. Она чувствовала тепло его дыхания на своей шее каждый раз, когда он делал выдох, концентрируясь.

Игла коснулась ткани.

Ева инстинктивно зажмурилась. Ожидала холодного укола стали. Но Максим держал иглу под таким углом, что кончик лишь скользнул по краю петли, прежде чем войти в отверстие. Первое движение нити. Шелк вошел в переплетение волокон с легким, едва слышимым звуком «вшик».

Часть 3. Анатомия близости (03:25)

Если бы кто-то неделю назад сказал Еве Лавровой, что Максим Воронов будет сидеть у её ног в три часа ночи на высоте десяти тысяч метров и штопать её старую блузку золотыми инструментами, она бы рассмеялась ему в лицо. Скорее небо рухнет на Сити.

Но небо молчало. Только гудели турбины.

Максим работал сосредоточенно. Его профиль в тусклом свете приборов казался высеченным из камня римским патрицием — жесткие линии носа, плотно сжатые губы, тень щетины, проступившая за сутки стресса. Но руки... руки были руками художника. Пальцы не дрожали. Движения кисти, затягивающей петлю, были плавными, текучими.

Шелковая нить ложилась идеально. Стежок за стежком. Маленькие крестики, скрепляющие разорванную материю. Каждый прокол иглы отдавался микроскопическим разрядом тока там, где края ткани соприкасались с её кожей.

— Ты дышишь мне в шею, — внезапно сказала она. Голос прозвучал ниже обычного, с легкой вибрацией.

Максим замер. Игла осталась торчать в ткани наполовину вошедшей. Он поднял голову. Их взгляды встретились. Зрачки Евы расширились, затопив радужку темным золотом. В глазах Максима сталь сменилась жидким серебром замешательства.

Он моргнул. Один раз. Медленно.
— Прости.

Слово повисло в воздухе. Оно не принадлежало человеку, который купил женщину контрактом. Оно принадлежало мужчине, который случайно вторгся в личное пространство другого человека и осознал это.

Он хотел отстраниться. Ева видела это по тому, как напряглись мышцы его плеч, как дрогнула рука с иглой. Инстинкт самосохранения кричал им обоим: «Опасность. Нарушение протокола».

Но вместо того чтобы отодвинуться, Максим сделал обратное. Он слегка склонил голову набок, будто прислушиваясь к чему-то, и снова опустил взгляд на свою работу. Однако дистанцию не увеличил. Его плечо теперь практически касалось внутренней стороны её бедра.

Второй стежок. Игла нырнула вниз.

Ева закрыла глаза. Мозг отказывался обрабатывать происходящее логически. Анализ рисков выдавал ошибку: Fatal Error: System Overload.

Она перестала думать. Перестала бояться ареста, банкротства, смерти матери. Всё это превратилось в белый шум на фоне одного единственного ощущения: мужчина, разрушивший её жизнь ради спасения своей, сейчас чинит её одежду. И делает это так, словно совершает самый важный ритуал в мире.

Тепло его тела становилось физически ощутимым. Близость пульсировала в воздухе плотной субстанцией. Запах табака усилился — видимо, он машинально провел языком по губам, увлажняя их.

Третий стежок.

Кончики его пальцев случайно мазнули по впадинке у основания её шеи, там, где кожа была особенно нежной и горячей. Максим резко втянул воздух сквозь зубы. Звук получился похожим на сдержанное рычание.

— Больно? — испугалась Ева, открывая глаза.

— Нет, — хрипло отозвался он. — Ты... горячая.

Это было сказано так просто, так буднично, что выбило почву из-под ног сильнее, чем новость о блокировке счетов. Ева поняла, что её бьет мелкая дрожь. То ли от холода открытой шеи, то ли от адреналина, который решил вернуться именно сейчас, выбрав самый неподходящий момент.

— Это страх, — пояснила она, стараясь вернуть себе контроль над голосом. — Организм думает, что нас сейчас расстреляют, а мы занимаемся рукоделием. Реакция «бей или люби».

Уголок рта Максима дернулся вверх. Впервые за двое суток это была настоящая улыбка. Уставшая, немного кривая, но живая.

— Второе предпочтительнее, — ответил он, возвращаясь к работе. — Для статистики выживания корпораций.

Четвертый стежок. Последний закрепляющий.

Он обрезал нить теми самыми золотыми ножничками. Завязал узел. Обрезал хвостик так близко к ткани, что срезанный конец шелка упал ей в декольте.

Максим потянулся достать его. Его рука оказалась в опасной близости от её груди. Он замер, осознавая положение. Пальцы зависли в миллиметре от кружева лифчика. Время остановилось.

Ева затаила дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, мешая глотать. Она могла отстраниться. Должна была. Контракт мертв, правила игры стерты, но физика тел оставалась прежней — сближение означало взрыв.

Она не двинулась с места.

Пальцы Максима осторожно, двумя фалангами, извлекли кусочек черной нити из ложбинки между грудей. Касание длилось долю секунды, но Ева почувствовала его так остро, словно он оставил там клеймо раскаленным железом.

Он выпрямился. Положил инструмент обратно в саквояж. Щелчок замка прозвучал как финальный аккорд симфонии.

Они сидели в тишине. Лицо к лицу. Колено к колену. Свет дежурной лампы падал так, что одна половина его лица была в тени, а вторая — залита призрачным синим светом. Маска отсутствовала. Перед ней был человек с разбитыми вдребезги планами на жизнь, который только что потратил пятнадцать минут на спасение старой пуговицы.

Часть 4. Урок биологии (03:30)

Первым нарушил тишину он.

— Ты дрожишь, — констатировал Максим. Голос потерял металлические нотки, став низким, вибрирующим где-то в глубине грудной клетки. Барабанные перепонки Евы завибрировали в ответ.

— Кондиционер, — солгала она. Легкая ложь далась легко. — И вибрация пола. Турбины работают на износ.

— Врешь, — спокойно возразил он. — Ты дрожишь изнутри. Так бывает, когда пружина, державшаяся годами, наконец ломается.

Он взял её правую руку, безвольно лежащую на подлокотнике. Ладонь была холодной. Его — обжигающе горячей. Он перевернул её кисть и прижал к своим губам внутреннюю сторону запястья. Прямо туда, где бешено пульсировала синяя жила.

Поцелуй был сухим, быстрым. Почти братским. Но эффект оказался термоядерным. Ева выгнулась в кресле, хватая ртом воздух. Электрический импульс пронзил тело от кончиков пальцев до солнечного сплетения.

Максим почувствовал её реакцию. Он не отпустил руку. Напротив, переплел свои пальцы с её, крепко, до побеления костяшек.

— Мы оба на грани, — произнес он, глядя на их сцепленные руки. — Если мы сейчас не заземлимся друг об друга, нас сожжет остаточным напряжением.

Ева сглотнула. Во рту пересохло.

— Макс... нам нельзя...

— Знаю, — оборвал он её. — Нельзя играть с огнем в музее. Но музей уже горит, Лаврова. Оглянись.

Он мотнул головой в сторону иллюминатора. Там, снаружи, облака расступились, показав луну. Огромную, багрово-красную, висящую над горизонтом. Цвет крови и пожара.

— Красиво, да? — спросил он, всё ещё не отпуская её руку. — Моя империя похожа сейчас на эту луну. Раскаленная докрасна, готовая рухнуть в океан. А мы с тобой сидим здесь и обсуждаем пуговицы.

Он подтянул её руку выше, к своему лицу. Прижал её ладонь к своей щеке. Закрыв глаза. Шершавая щетина царапнула тонкую кожу.

— Мне нужно чувствовать что-то настоящее, — прошептал он ей в пальцы. — Хотя бы боль от твоей занозы. Хотя что-то, пока цифры на счетах превращаются в пепел.

Ева свободной рукой коснулась его волос. Пропустила пряди сквозь пальцы. Они были мягкими, вопреки образу железной машины. Живыми.

— Ты боишься, — тихо сказала она. Это не было вопросом.

— Я архитектор, — ответил он, не открывая глаз. — Я строю конструкции, которые должны стоять века. А моя конструкция рухнет от одного чиха конкурента. Оказывается, фундамент моего дома был сделан из песка и пафоса моей матери.

Он открыл глаза. Посмотрел на неё снизу вверх. Взгляд голодного волка, пойманного в капкан, который понимает, что отгрызть лапу — единственный выход, но жалеет собственную кровь.

— Чего боишься ты? — спросил он. Вопрос висел между ними тяжелым камнем. — Кроме коллекторов и тюрьмы.

Ева долго молчала. Смотрела на красную луну. На его лицо в своих руках. На идеальную линию его челюсти.

— Я боюсь проснуться, — призналась она шепотом. Голос сорвался. — Боюсь, что однажды утром я открою глаза, и мне станет всё равно. Понимаешь? Мне перестанет болеть за маму. Перестанет тошнить от дешевого вина. Перестанет хотеться врезать кому-нибудь по зубам за несправедливость. Я боюсь, что ваша империя сделает меня такой же красивой, мертвой фарфоровой куклой, как Алиса. Или твоя мать.

Она провела большим пальцем по его скуле, стирая несуществующую пылинку.

— Поэтому я надела армейские ботинки сегодня, Макс. Под платье. Чтобы помнить, как больно ходить по земле босиком. Чтобы не забыть, кто я. Боль напоминает, что я жива.

Максим издал звук — что-то среднее между стоном и смешком. Он наклонился вперед, сокращая расстояние. Теперь их разделяли считанные сантиметры. Тепло его дыхания опалило её губы.

— Ты самая живая вещь, которую я держал в руках за последние десять лет, — прохрипел он. — И самая опасная.

Часть 5. Фиксация результата (03:40)

Он отпустил её руку. Сделал это медленно, давая ей возможность отступить. Вернуться в рамки приличий. Вспомнить, что они преступники, беглецы, банкроты.

Ева не убрала руку. Она сама шагнула вперед, закрывая оставшееся расстояние. Её колени уперлись в его бедра.

Свет красной луны заливал кабину кровавым маревом. В этом освещении салон частного самолета перестал быть символом роскоши. Он превратился в пещеру, убежище двух раненых зверей на краю света.

Максим поднял руку. Медленно, давая ей шанс остановить его в любую секунду. Пальцы коснулись её подбородка. Твердые, теплые, уверенные. Он приподнял её лицо.

Никаких слов больше не было. Алгоритмы отключились. Корпоративный кодекс рассыпался в прах. Осталась только биология. Химия. Два тела, нашедшие точку опоры друг в друге посреди океана хаоса.

Он наклонился.

Это не был поцелуй любовников из голливудского кино. Не было томных взглядов и медленного сближения. Это был акт захвата. Жадный, отчаянный, полный невыплеснутого страха последних сорока восьми часов.

Его рот накрыл её губы жестко, требовательно. Зубы клацнули о зубы — коротко, больно, правильно. Боль обожгла, прочистила сознание, смыла остатки сонливости.

Ева ответила с той же первобытной жадностью. Её пальцы впелись в его волосы на затылке, срывая невидимый барьер. Она притянула его к себе, используя всю силу мышц спины, впечатывая его грудь в свою. Ей нужно было почувствовать твердость его ребер, убедиться, что он настоящий. Не галлюцинация от недосыпа.

Максим глухо зарычал ей в рот. Звук зародился глубоко в груди и вибрировал в её теле. Одной рукой он обхватил её затылок, фиксируя, лишая возможности уклониться. Другой — схватил за бедро, рывком подтягивая её выше, усаживая на поручень кресла между своими ногами.

Позиция стала предельно откровенной. Теперь она возвышалась над ним, опираясь коленями о мягкую кожу сиденья по бокам от его бедер. Платье задралось, обнажая полоску кожи над резинкой чулка.

Мир сузился до точки контакта их ртов. Вкус соли, вкус кофе, вкус металла от колец и привкус паники. Он пил её дыхание, кусал нижнюю губу, всасывал её с такой силой, словно пытался забрать внутрь себя, спрятать от шторма за бортом.

Ева теряла связь с реальностью. Кровь ревела в ушах громче турбин. Она чувствовала, как твердая сталь его возбуждения упирается в неё сквозь слои дорогой ткани. Это знание — что она сделала с ним это одной лишь близостью, одними лишь словами о боли — пьянило сильнее любого алкоголя.

Она прервала поцелуй, но лишь для того, чтобы перевести дыхание. Уткнулась лбом в его лоб. Оба тяжело дышали, пытаясь прийти в себя. Между их носами было меньше дюйма. Глаза закрыты, ресницы мокрые.

— Это провал, — прошептала она. — Нас уволят. Даже из ада увольняют за такое нарушение техники безопасности.

Губы Максима дрогнули в слабой улыбке. Он потерся носом о её нос — детский, обезоруживающий жест, совершенно не вязавшийся с образом миллиардера-террориста.

— Меня уволили полчаса назад, Лаврова. Забыл сказать. Акционеры проголосовали. Единогласно.

Он качнул бедрами вверх. Легкое, контролируемое движение. Демонстрация силы. Напоминание. Ева ахнула, непроизвольно сжимая ноги вокруг его талии. Мир поплыл.

— Связи нет, — выдохнула она, цепляясь за остатки рассудка. — Помощи ждать неоткуда. Мы одни.

— Мы одни, — согласился он, начиная покрывать короткими, горячими поцелуями линию её челюсти, спускаясь к шее. — Наконец-то.

Его губы нашли местечко за ухом, чувствительное, тайное. Когда он втянул кожу в рот, Ева выгнулась дугой, издав тихий, гортанный звук, которому позавидовала бы любая тигрица.

Руки Максима переместились на её ягодицы, сжали их сквозь тонкую ткань брюк, притягивая вплотную. Трение стало невыносимым, необходимым. Каждое движение бедер рождало искры под веками.

— Шесть часов до рассвета, — прошептал он ей в шею, прерываясь, чтобы лизнуть выступающую венку. — Куда мы летим?

— Куда угодно, — выдохнула она, зарываясь пальцами в его волосы и заставляя его снова поднять голову для поцелуя. — Лишь бы подальше от вчерашнего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.